

Л. НИКУЛИН

УРАЛ
ЮЖНЫЙ

32347

ОГИЗ
ГОСЛИТИЗДАТ
1943

Л. НИКУЛИН

УРАЛ

Ю Ж Н Ы Й

О Г И З

Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1943

ВСТУПЛЕНИЕ

У нас
на глазах
Из воли, Урала
городище родится
труда
и энергии...

В. Маяковский

Седые хлопья облаков ползут по расщелинам скал...

Поезд изогнулся длинной дугой, из окна последнего вагона видно, как паровоз и вагоны медленно втягиваются в ущелье.

Высокие ели поднимаются по крутым склонам и там, на высоте, шумят вековым, заповедным бором.

Это Уральский хребет. Не главная часть хребта, поражающая суровой и дикой красотой, а мягкие очертания гор Южного Урала, гор, постепенно переходящих в равнину, в южно-уральскую степь.

Южный Урал! Чудесный, благодатный край, разнообразный — привлекательный для геологов и охотников, для металлургов и художников-пейза-

жистов... Трудно даже в нашей необъятной стране найти такое разнообразие пейзажей, такое гармоническое сочетание озер, горных краёв, лесов и привольных степей. Трудно найти такое разнообразие климата и растительности. И досада берет, когда узнаешь, что в старое время эти места считались чем-то вроде пустоши в захолустной Оренбургской губернии. Тогда здесь славился только один промышленный город — знаменитый Златоуст. Магнитогорска еще не было на свете, а нынешний областной центр Челябинск был сонным провинциальным городом, более всего известным пересыльной каторжной тюрьмой.

Были в этом забытом краю заштатные городки, вроде Кургана, известного тем, что сюда после сибирских рудников сослали декабристов; был Миасс — городок владельцев золотых приисков и «старателей»; Шадринск — вообще ничем не знаменитый город. А между тем южно-уральские земли тысячелетиями таили в своих недрах железо, золото, платину, медь, цветные металлы, уголь... Над железными рудами колосились хлеба, и земледелец, зацепив плугом твердую породу, с сердцем отшвыривал в сторону то, что могло стать железом или сталью в руках металлургов.

Челябинск имел два небольших завода, железнодорожные мастерские,

мельницы, был городом одноэтажных деревянных домов самой разнообразной архитектуры. Кажется странным, что именно в этом захолустьи выросло, созрело в борьбе за советскую власть поколение молодых уральских революционеров-большевиков, именами которых названы теперь лучшие улицы города и некоторые заводы.

Старые, пожелтевшие музейные фотографии дают некоторое представление о Челябинске, уездном городе Оренбургской губернии. Иллюстрации в наших журналах десятилетней давности тоже устарели — разительные перемены произошли в этом городе, особенно в эти месяцы отечественной войны. Трудно себе представить, что на месте центральной части города несколько лет назад было кладбище. Там, где сейчас во весь горизонт развернулась панорама огромных заводов, была пустошь, глушь и дичь, начинавшаяся сразу за городской чертой.

Людей, впервые приехавших в эти края, поражают почти южная лазурь неба и блистающее над снегами уральское зимнее солнце. В этой безоблачной лазури над городом есть одно никогда не рассеивающееся облако дыма заводских труб. Далеко вокруг Челябинска сомкнулось кольцо заводов. Куда ни кинешь взгляд — всюду прямоугольники цехов, широкие улицы заводских поселков.

Долго едешь, и кажется — никак не можешь выехать из городской черты. И невольно вспоминаешь автора «Гарантаса» — старого русского писателя Сологуба, оставившего короткое, но исчерпывающее описание уездного города:

«Застава — кабак — вабор — собор — забор — кабак — застава...»

И вот как теперь открывается путнику бывший уездный город Челябинск: паутина под'ездных путей, железные конструкции поднимающихся из земли цехов, рассыпанные на равнине тысячи барачков, временок, землянок... Едешь десять, двадцать километров — все та же картина.

Мы приехали в Копейск, шахтерский каменноугольный центр.

В годы гражданской войны шахтеры защищали свой родной город, окружили его окопами, прикрыли баррикадами и не пустили в него белогвардейцев. Эту славную оборону не раз вспоминают шахтеры теперь, в дни решительной борьбы за уголь, в дни, когда заслужившей почет бригаде присуждают звание фронтовой. На торжественном собрании говорят о мужестве старшего поколения шахтеров, о славных традициях копейских шахт — южно-уральского Донбасса.

Кому приходилось странствовать по дорогам Южного Урала, того изумляет разнообразие пейзажа, неожиданные перемены на протяжении нескольких

десятков километров. Безрадостную голую степь вдруг сменяют цепи синюющих предгорий, затем возникают густолиственные и хвойные леса, и вдруг сквозь золотые стволы сосен сверкнет отливающее уральским самоцветом горное озеро. Столетние ели спускаются к его сияющим, цвета горного хрусталя, водам, лесистые островки поднимаются из глубин. Лодка рассекает прозрачные до самого дна воды, и видно, как форели проходят под кормой лодки.

Это Тургояк — одно из прелестнейших мест Южного Урала, озеро, напоминающее красивейшие пейзажи Швейцарии, но пленяющее нас особенной, русской, нетронутой красой.

В городке Миассе, живописном горном городке, можно видеть окруженные высокими каменными оградами дома-особняки, где жили золотопромышленники. Здесь вам расскажут о своеобразном быте золотопромышленников, живших, как маленькие царьки, и о быте работавших на них старателей. Старатель жил надеждой на внезапное обогащение, ради этой надежды он работал, как каторжный, потому что добыча золота требует тяжелого, кропотливого труда.

Бывало так, что старателю везло, он находил золотоносную жилу или самородок, и он предавался разгулу, устилал ситцем, а то и бархатом, улич-

ную грязь, чтобы тоголем пройтись по этой бархатной дорожке, окруженным прихлебателями и собутыльниками. Потом наступало похмелье: «фарт» — удача, золотой песок — оказывался в неслгораемом ящике у золотопромышленника, а старатель возвращался к каторжному труду золотоискателя. Только рассказы старожиллов да изрытые склоны гор — вот что осталось от этих сравнительно недавних дней. «Злато» в годы войны нужно так же, как и «булат», поэтому трест «Мнасс-золото» в большом почете в этом городке.

Но не одно золото составляет богатство этого края. После «злата» перейдем к «булату» — чугуну, железу и стали.

Может быть, вам довелось читать стихи магнитогорского поэта:

В степи лежит, как на ладони,
Червоным, драгоценным слитком,
Мой город, славой окрыленный,
Любовно названный Магниткой...

Когда сидишь близ плотины у реки, превращенной в пруд, видишь отраженное в воде созвездие огней магнитогорских заводов, — минутами все это кажется рисунком художника, иллюстрацией к утопическому роману. Как заветное предание, здесь вспоминают труд многих тысяч людей, собранных со всех концов нашей земли, герои-

ческую поэму, эпос сталинской пятилетки.

Магнитогорск... Теперь это звучит для всего передового человечества как чудо, сотворенное нашим народом.

Уральцы — патриоты своего края... С какой гордостью они говорят о том, что знамена Государственного Комитета Обороны развеваются над лучшими предприятиями Урала! С каким волнением в Магнитогорске говорят о вечном своем сопернике—Кузнецке! В этом соревновании двух гигантов, в этой благородной борьбе двух титанов нашей промышленности — страстное желание доблестно служить родине, служить фронту.

Как дед на внука, глядит на Магнитогорск старинный город металлургов Златоуст, родина знаменитых златоустинских клинков и броневых сталей. Секрет закала златоустинской булатной стали — романтическая легенда. Рассказывают, будто некий оружейный мастер добрался до самого города Дамаска, родины славнейших дамасских клинков, и будто этот уральский мастер не остановился перед тем, чтобы принять ислам и жениться на дочери дамасского оружейника. Оружейник открыл ему секрет дамасской стали, и русский мастер вернулся в Златоуст с этим секретом.

Как бы там ни было, но «шашки

Златоустинских кровей» любят наши конники и высокое качество этих клинков не раз испробовали на фашистских башках. Больше восьмидесяти марок нужнейших сталей за время войны выпускает Златоуст, и броневая сталь его — добрая, высокого качества сталь.

* * *

Индустриальный Южный Урал живет бок о бок с колхозным, и это сочетание особенно разительно вблизи промышленных городов, когда десятки километров едешь среди колхозных полей, уходящих далеко за горизонт. Люди, работающие в полях, напоминают нам о далеком фронте, о том, что мужчины сражаются и колхозный труд лег на плечи женщин, стариков и подростков.

В Сосновском районе Челябинской области известен председатель сельхозартели имени Чапаева — Павел Петрович Кадочников, награжденный орденом Ленина за прекрасное руководство колхозом. О чапаевцах говорят с уважением — они дали государству 11 тысяч пудов хлеба и еще больше картофеля и овощей, то есть не снизили, а увеличили хлебосдачу в дни войны. Между тем в этом колхозе осталось всего 65 трудоспособных. Кадочников — старый солдат; с войны 1914—1917 годов он пришел инвали-

дом. У него есть свой, особый счет с немцами. Ходит Кадочников, опираясь на палку, поля об'езжает верхом 'на крепком коньке. Когда приезжие интересуются, каким образом он так высоко поднял свой колхоз, старый солдат отвечает:

— Прибавилось силы у народа во время войны!

И он приводит в пример прекрасную работу женщин, стариков, которым перевалило за шестьдесят, ребятшек.

Женщины, работающие на полях, женщины в лабораториях, в госпиталях, за рулем автомашины, у сложных станков-автоматов, женщины-сталевары — вот образы Урала наших дней.

Две девушки, работницы танкового завода, Зина Данилова и Клава Рыбалова, овладели сложным американским станком. Больше того — они стали первыми тысячницами цеха. Николай Степовой, юноша девятнадцати лет, работающий на растирке шатуна, выполняющий сложную, требующую особой точности операцию, дает 1300 процентов нормы. Кузнецы Арзамасцев и Завьялов показывают неслыханную ни в одной кузнице мира работу: Арзамасцев, награжденный недавно орденом Ленина, дает в смену 122 коленчатых вала.

Велика трудовая доблесть уральцев,

ленинградцев и украинцев, работающих на Урале. Рабочий снарядного завода Михайлов был четырежды ранен на Ленинградском фронте, вынес из-под вражеского огня своего командира. Инвалид отечественной войны, Михайлов стал к станку и дает 238 процентов нормы. Боец, отважно сражавшийся с врагом на фронте, доблестно работает в трудовом тылу. Кузнец танкового завода Ершов был пенсионером. Старый путловец, ленинградский рабочий, он потерял сына на фронте в первые дни войны. Он вернулся на Кировский завод, чтобы мстить врагу, снова вернулся в кузницу, стал к молоту и буквально работает за двоих, дает более 200 процентов нормы.

В труднейших условиях, в лютую уральскую стужу, люди возрождали к жизни эвакуированные заводы, строили новые и расширяли старые.

В лесной глуши, в тихих долинах, которые привлекали только охотников и лыжников, вдруг послышалось жужжание механических пил, загрохотали взрывы аммонала, и впервые раздались гудки рабочих поездов. И там, где были непроходимые лесные дебри, поднялись из земли стены заводских корпусов. Ветер надувал, как парус, красное полотнище:

**Современная война — война моторов!
Восстановим завод!**

Дадим армии и флоту столько уральских моторов, сколько требуется для полного разгрома врага.

Могли ли думать два месяца назад уральские охотники, что они увидят здесь, в глуши, в тихой долине, между двух чудом сохранившихся вековых елей, такой плакат?

Могли ли они думать, что там, где два месяца назад они видели след оленя и желтые зрачки дикой кошки, в вековой чаще, с высоты горного хребта, они увидят зарево электрических огней, паровозы на под'ездных путях и сверкнувшие на магистрали фары пятитонного грузовика?

Трудно было разместить сотни тысяч людей, построить для них сносное жилье. Земля не поддавалась кирке и лопате, ее взрывали аммоналом, — так сооружалось жилье. И самое удивительное было, что в напоминающих занесенные снегом пещеры землянках жили инженеры, рабочие, работницы, и ни слова упрека не срывалось с их уст.

Уральский мороз, уральские степные бураны проникали и в только что отстроенные заводские цехи. Люди работали, не снимая тулупов и полушубков, и думали только о том, как бы не замерзла эмульсия, как бы не остановились станки.

В эти горячие дни и ночи люди по

суткам не уходили из цехов, забывая о хлебе и пище. Да и хлеба в то время нехватало: трудно было накормить множество людей, население городов увеличилось в несколько раз.

Однако никто не жаловался, и бывало так, что «после трех дней самоотверженного, напряженного труда люди возвращались в свой «дом», в промерзшие бревенчатые бараки, в обледенелые землянки и говорили только о том, что план выполнен, что с этой ночи завод, наконец, выполняет программу.

Мысль о Москве, о фронте была мыслью сотен тысяч людей в цехах и рабочих поселках в решающие декабрьские дни 1941 года. Никогда не забудут на Урале ночи, когда радио сообщило о разгроме немецких дивизий под Москвой. Люди целовались и поздравляли друг друга, и эта студеная уральская ночь была светлым праздником для тружеников Урала.

* * *

Город на Урале — город заводов — в долине, среди горных кряжей, хрустальных озер, вековых, заповедных лесов...

Он просыпается в ранний час, его будит согласный хор утренних голосистых гудков. Десятки тысяч людей устремляются к проходным будкам, тысячи людей торопливой, рассчитан-

пой по минутам походкой идут в учреждения. Детвора наполняет скверы, и только голос радио напоминает о великих битвах на западе нашей страны.

Это безоблачное голубое небо никогда не осквернял полет вражеского самолета, — более двух тысяч километров отделяют этот город от фронта. И здесь с гневом и состраданием мы вспоминаем о другом городе, который так недавно лежал перед нашими глазами.

Там, год назад, в скверах тоже играла детвора, люди любовались утренним пейзажем, тихой, милой сердцу русской рекой, старинными расписными колокольнями на высоком берегу; на стадионе играли в футбол рослые парни в голубых и красных майках; в парке культуры, на танцевальных площадках, звучала музыка, и парочки, обнявшись, гуляли в тенистых аллеях.

Теперь этот город — груда камней, щебня, кирпича, спутанных в клубок железных балок.

На городской площади стоят обугленные деревья. Крюки, вбитые в стволы, напоминают о судьбе замученных и казненных русских людей.

Пулеметная трель истребителя раздается в облаках. Утренний ветер шелестит листву высоких белоствольных берез. В лесу струится неглубокая речка — приток большой судоходной реки. Она привлекает купальщиков, но

краткая надпись на куске фанеры: «Мины» — предостерегает любителей утреннего купания.

Среди берез, на опушке, стоят тяжелые танки. Длинноствольные пушки глядят в просветы деревьев. Когда танки неподвижны, они кажутся стальными фортами, в движении они напоминают сухопутные броненосцы.

Сапоги танкистов стучат по броне. Танкисты убирают зеленые ветви, маскировавшие танк. Оглушительный грохот моторов возвещает пробуждение танков.

Здравствуйте, старые знакомые! Мы видели вас в огромном, пронизанном солнцем цехе сборки далеко на Урале. Мы видели, как вы начинали жить. Мы впервые услышали лязг ваших гусениц и видели, как вы двигались по заводскому двору и дальше — по широкой дороге на танкодром. Теперь эти танки прошли боевое крещение. Мы видим заметные вмятины на броне, видим и следы метелей и осенних ливней на защитной темнозеленой краске... Великолепная боевая машина!

Когда закрываются люки и людей от внешнего мира отделяют броневые плиты, мы чувствуем себя, точно в подводном корабле. Радионаушники, стереотрубы — глаза танкистов — напоминают о перископе подводной лодки. Огромной силы двигатель, вооружение, снаряды — все расположено целесооб-

разно и обдуманно, все имеет свою рассчитанную в миллиметрах площадь. Десятки тонн весит эта ушедшая в землю громадина. Но вот включен мотор, оглушительный грохот сотрясает березы — и стальная громадина приобретает неожиданную легкость, подвижность, маневренность. Земля и небо качиваются и мелькают в смотровой щели. Подминая преграждающие путь молодые деревья, танк выносится на простор.

Готовый к бою танк кажется каким-то монолитом, — трудно себе представить, что он состоит из нескольких тысяч деталей, что порой создание одной из этих деталей требует самоотверженного труда, неустанной работы мысли, русской рабочей смекалки, а главное — страстного желания победы над врагом. Стараешься охватить во всем объеме сложнейшее дело создания танка и проникаешься особым уважением к людям, отдавшим всего себя этому важнейшему делу, к людям, сутками не уходящим из цеха.

Многие приехали на Урал из Ленинграда, с Ленинградского фронта, — там они получили боевое крещение в дни и ночи воздушных бомбардировок. Фугасные снаряды, снаряды фашистской артиллерии разрывались вблизи цехов, а иногда и в самых цехах, но в сборочном и сдаточном цехах продолжалась работа. Потом эти цехи пе-

ревели в другой район, в более безопасное место. И в такой обстановке в два дня были выпущены первые образцы новых, замечательных по своим боевым качествам тяжелых танков.

Последовал приказ правительства, и началось передвижение кировцев на новые места.

Трудности первых дней на новых местах, понятная тоска по родному городу — по любимому городу Ленина, тревога о близких — все это не отразилось на работе кировцев.

Они принесли с собой революционный темперамент, традиции Кировского завода, большевистский огонь. Горести первых неполадок и неудач, радость первых успехов — все это находило отклики в боевых листках, в стенной печати, сообщавшей о работе за сутки. Теперь это только документы, исторические документы пройденного пути.

Тот, кто впервые входит в цех сборки, останавливается на пороге, пораженный величественной картиной. Далеко впереди, по обе стороны цеха, как пришвартованные к стенке корабли, стоят мощные тяжелые танки.

Огромный цех наполнен шумом и грохотом. Заглушая человеческие голоса, грохочут моторы. Многотонный кран ворочает в воздухе броневую башню и медленно опускает ее на корпус танка. Вот начинают вращаться в первый раз пришедшие в движение

гусеницы новой машины. Бригадир вручает путевку в жизнь — пропуск новорожденной машине, и сердце танка — мощный мотор-сердце — начинает оглушительно биться.

Здесь, в этом цехе, построенном в дни отечественной войны, переходя от одной машины к другой, видишь весь процесс рождения танка. Видишь все стадии его создания — от напоминающей лохань громадной коробки до готового двинуться на испытания вооруженного и оснащенного гиганта, который скоро будет принят его боевым экипажем.

Здесь, в Танкограде, можно увидеть тесное братское содружество героев фронта и трудового тыла. Танкисты с боевыми орденами на груди, орденосносцы — строители танков работают бок о бок, живут одним делом, одной заботой — созданием превосходной современной боевой машины.

Водитель танка впервые занимает свое место в машине, стрелок садится к орудию. Тут же, у открытых люков, тесным кольцом стоят строители танка и пристально вглядываются в лица танкистов. Наступает волнующая минута: оглушительный грохот мотора, лязг гусениц — новая, получившая жизнь машина выдвигается вперед из строя танков, делает легкий искусный поворот, движется по аллее к широко раскрытым воротам цеха и исчезает из глаз.

В это мгновение нет человека, который не глядел бы ей вслед теплым, ободряющим взглядом.

Зимой, в сорокаградусные уральские морозы и бураны, летом, в душные, знойные дни, перед сдаточным цехом стоят прямоугольные палатки—покрытые брезентовыми чехлами новые танки. Это уже «не наши» машины, как принято говорить здесь. Это машины, принятые военным ведомством. Наутро их здесь уже не будет, они уйдут на испытания. И под брезентовыми шатрами будут стоять другие танки. По другую сторону проспекта, перед сдаточным цехом, стоят еще не окрашенные в защитный цвет, поблескивающие натуральным цветом стали, готовые к приемке машины. Это еще «наши» машины.

Завтра они будут не «нашими» и ночью уйдут на фронт.

Велика слава этих боевых машин. Приятно станкостроителям узнать оценку их труда из уст врага, на себе испытавшего силу танковой атаки.

Вот что пишут об этих машинах немцы:

«Т-34» бесшумно движутся с большой скоростью по глубокому снегу и застают германские войска врасплох. Эти танки штурмовали город Великие Луки. Снаряды германских противотанковых орудий не могут пробить их броню».

На одном из участков фронта сражается танковая бригада имени комсомола Челябинской области. История этой танковой бригады неразрывно связана с областью, с ее молодежью, с народом Южного Урала.

Коллектив абразивного завода предложил устроить сбор средств для постройки танковой колонны. Вся область, все население пожертвовало трудовые сбережения на постройку танков. Было это в дни танковых сражений, когда все особенно остро переживали численное превосходство врага в танках. Молодежь Н-ского танкового завода выпустила сверх программы колонну мощных боевых машин КВ. Машины были переданы танковой бригаде, где большинство командиров и бойцов — уральцы, а некоторые работали на заводе, построившем для них танки. На танкодроме, вблизи города, произошло торжественное вручение знамени бригаде, которой было присвоено название: бригада имени Челябинского комсомола.

Вся область, все именитые ее люди провожали танкистов на фронт и с волнением ждали вестей о боевых действиях своей бригады. И вот пришли эти первые вести. Их привез раненый командир танковой роты, старший лейтенант Петров. Надо было видеть, с каким волнением слушали его те, кто

положил немало труда, создавая боевые машины для родной бригады. Они радовались боевым успехам своей, уральской, бригады, хорошо показавшей себя в первом же бою за высоту 214. Они радовались хорошей оценке командования, которую получили танкисты-уральцы. Испытание огнем, боевое крещение показало, что машины не подвели, а главное, что они попали в хорошие руки.

Это было несколько месяцев тому назад. Танкисты стали зрелыми, опытными воинами, но не слабеет кровная, нерушимая связь между бойцами фронта и родной областью. Каждый день письмоноscopy, стибаясь под тяжелыми сумками, доставляют письма. Почти все эти письма имеют штамп полевой почты.

«Мы превратим ваш благородный и величественный труд в грозу и смерть для немецких захватчиков», — пишут танкисты с фронта. Экипаж только что покинувшего сдаточный цех танка повезет на фронт ответ танкостроителей:

«Родные!.. Бейте проклятых, жгите их огнем, давите гусеницами и помните, что за машинами дело не станет. Слово кировцев!»

В предгорьях Южного Урала, где-нибудь на большой узловой станции, видишь, как с востока на запад движутся неисчислимые составы с углем, нефтью, снарядами, вооружением.

Все это — дело рук' человеческих, все это — плоды величественного и благородного труда уральцев, народа немного сумрачного, но лютого в работе и в бою. Бок о бок с ними работают ленинградцы и украинцы, киргизы и казахи, грузины и татары — командиры и рядовые бойцы трудового тыла. Бывают дни, когда всеобщее волнение охватывает этих людей. Это дни, когда по Южному Уралу проходит слух о том, что по всему краю собирают славнейших людей в делегацию, которая поедет на фронт, в гости к командирам и бойцам славных уральских дивизий.

Закаленные суровой природой Урала, верные памяти своих отцов, бесстрашных и неустомимых воинов-тружеников, уральские дивизии завоевали себе славу на полях сражений великой войны. Некоторые из них уже заслужили свое право именоваться гвардейскими. На огневых рубежах они с волнением и любовью вспоминают свой чудесный, благодатный край, гордятся своим краем, который доблестно и верно служит фронту, родине. И в жестоких схватках они наносят врагам такие яростные удары, что по силе этих ударов враги узнают тяжелую руку уральцев.

ЛЮДИ ЮЖНОГО УРАЛА

Минуют эти суровые годы, заживут раны невиданной в истории мира войны, поднимутся из пепла города, села, и люди будут вспоминать о подвигах, доблести и славе тех, которых уже нет на земле. Будут вспоминать о героях, отдавших жизнь за отечество, и о великом всенародном труде на полях, в шахтах, в рудниках и на заводах нашей страны. Вспомнят время, когда в цехах звучала украинская, татарская, грузинская, таджикская речь, когда возвращались в цехи старики-пенсионеры, инвалиды труда, когда становились к станкам молодые девушки, ребята-подростки, и старики-пенсионеры.

І. «РЕМЕСЛЕННИКИ»

На снарядном заводе гудок возвестил перерыв, и тотчас цех наполнился звонкими голосами ребят, точно началась большая перемена в школе. Мы увидели сотни подростков в возрасте до шестнадцати лет, стремительно бежавших через двор в столовую.

Это был удивительный цех. Здесь работали подростки, работали легко и весело, — видно было, что работа им нравилась и увлекала их.

Начальник цеха хвалил ребят и в то же время отечески журил за то, что залетевший в цех голубь или воробей отрывал их от работы и чуть не ставил под угрозу план рабочего дня. А на соседнем заводе такие же ребята прочно удерживали знамя лучшего цеха завода.

Обеденный перерыв еще не кончился, когда вернулся в цех лучший его работник — стахановец, бывший ученик ремесленного училища, Гриша Миронов, которому в этом месяце исполнилось шестнадцать лет. Он выполнил месячную программу в десять дней, и приятно было видеть его виртуозную, изумительную работу у станка, нарезающего медные кольца снарядов. Приятно было видеть, как падали в ящик золотым дождем искрящиеся кольца. Лицо Гриши при этом выражало полное спокойствие, даже равнодушие; всем своим видом он желал показать, что ничего нет мудреного в этой работе. Но он знал себе цену и очень забеспокоился, когда оказалось, что Коля Зайченко подбирается к его рекорду.

— Потолкуйте с ним, — сказал нам начальник цеха, — малец видал виды.

Малец действительно видал виды. Это была одна из современных био-

графий, очень коротких, наполненных суровыми испытаниями и страшными событиями.

Пятнадцать лет было Грише, когда он в первый раз услышал воющий гул немецкого самолета: земля дрогнула от разрыва сброшенной с самолета бомбы. Он спал в саду и, открыв глаза, увидел, как рушились стены пятиэтажного общежития ремесленного училища. Это был первый день войны, и пятнадцатилетний мальчик, прежде чем очутиться на Урале, прошел восемьсот километров по земле, захваченной немцами.

Приморский город, где он учился, был окружен. Его защищали моряки и население. Город пылал, снаряды разрывались на улицах и убивали стоявших в очередях женщин и детей. Гриша приносил газеты на передний край, он научился без страха видеть трупы и кровь. Однажды он пошел вместе с военными моряками в контратаку; его оглушило взрывом гранаты, и, потеряв сознание, он свалился в овраг. Когда он пришел в себя, была почь. Он увидел позади зарево — там был город, вокруг были враги. И он решил пробраться на родину, в большое село, в Приднепровье. Он прошел около трехсот километров, шел ночами, очень страдал от голода. Селяне кормили его, указывали дорогу. Он шел ночью. Обходя города, шел лесами, опасаясь встреч с немцами. Все же два раза он

с ними столкнулся. В первый раз патруль пропустил его, — он правильно назвал деревню, куда шел, и сказал, что его послали к тетке за солью. В другой раз он убежал от немцев и отлежался во ржи. Пули немецких автоматчиков с отвратительным свистом подсекали колосья, но не задели Гришу.

В родном селе Гриши действовал карательный отряд. Это были финны, и страшная слава о финнах-карателях разнеслась на сто верст. Гриша узнал, что его отца и мать немцы сожгли заживо в хате, а шестилетнюю сестру Настю застрелили в садочке. Сделали так за то, что отец выписывал газету и иногда читал ее вслух односельчанам.

— Остался у меня старший брат, он кончил в Харькове институт и работал инженером на моторном заводе. Тогда я пошел в Харьков. Итти было очень трудно, ноги побил, покалечил; села кругом погорели — куска хлеба не достанешь. На счастье, нашел я в лесу мертвого немца и в сумке у него консервы и шоколад, а хлеба ни крошки. Около самого фронта (тогда сплошного фронта не было) залез я в водосток, в трубу, — уже холодно было ночами. На рассвете вдруг слышу: едут конники. Сердце у меня упало. А потом слышу — говорят по-нашему. Тут я аж заплясал и вылез из трубы. Сначала строго со мной говорили, потом казак-

сержант сказал: «Да это ж пацан-ремесленник... Пусть себе идет». И пришел я в Харьков. Завод, где работал брат, эвакуировали. Опять пришлось идти до узловой станции, там я пристал к одному эшелону. Как раз тот завод ехал, где я сейчас работаю. Взяли меня с собой и привезли аж сюда. Стал понемногу работать и вдруг от харьковчан узнаю, что работает на таком брат мой, Костя Миронов. Нашел его, пришел к нему на квартиру. Он чуть с ума не сошел: «Ты, Гриша! Откуда появился?» Поплакали мы вместе над родителями, над сестричкой Настей. Потом он говорит: «Ну, Гриша, теперь война, все работают, и тебе надо работать. Я тебя устрою на завод». А я отвечаю: «Не старайся, Костя, я сам устроился, работу себе нашел, и даже стахановец... Ну и все».

Мы молчали. Гриша смотрел на нас вопросительным, рассеянным взглядом. Вдруг он оживился, в его серых глазах блеснул огонек. Он метнулся в сторону и закричал на весь цех звонким мальчишеским голосом:

— Колька! Гляди, «Дуглас» летит!

II. КУЗНЕЦЫ

Какая бы ни была погода, за стенами кузницы—знойный июльский полдень или мороз и февральская вьюга,

кузница имеет свою, я бы сказал, тропическую, температуру. Жар остывающего металла, жар раскаленных поков чувствуется уже при входе в кузнечный цех. В Европе нет кузницы, равной по своей мощности этой.

Когда работает тринадцатитонный молот, сотрясается весь цех. Удары этого молота чувствуешь за полкилометра в здании главного управления завода. Это землетрясение радует сердца танкоградцев. Кузница — важнейший центр завода. Если кузница работает по-стахановски — с полной нагрузкой работают механические цехи, и в срок выходят на испытание новые машины.

Даже девятитонный молот, малютка по отношению к тринадцатитонному, производит внушительное впечатление в разгар работы. Это мощное сооружение, конечно, мало напоминает обыкновенный кузнечный молот в руках обыкновенного кузнеца. Когда механический девятитонный молот поднимается и опускается над раскаленным металлом, примериваясь для удара, он кажется разумным существом.

Однажды над городом бушевала снежная буря, злейший уральский буран. Люди шли, как слепые, цепляясь за стены домов, за обледенелые столбы и заборы. Именно в такую непогоду мы встретили человека, пересекающего заводской двор по направлению к кузнечному цеху. Он шел согнувшись, ста-

раясь устоять на ногах, преодолевая яростные порывы ветра.

Звали этого человека Алексей Ершов, было ему за пятьдесят лет. Зимой прошлого года он приехал вместе с Кировцами на Урал. В Ленинграде он перенес все тяжести осады. Он работал под бомбами вражеских самолетов, под артиллерийским обстрелом, но не покидал цеха, — он знал, что танки КВ прямо из ворот завода уходили на огневой рубеж.

Кузнецы — старая, заслуженная профессия в армии металлистов. Эта профессия переходит из рода в род. Сын кузнеца Ершова выбрал себе другую профессию. Он кончил среднюю школу, поступил в институт, но работал он на Кировском заводе. 22 июня, в первый же день войны, сын Алексея Ершова, Валентин, добровольцем ушел на фронт, а 10 июля отец получил извещение о том, что сын его пал смертью храбрых.

Здесь следует дать слово самому кузнецу и выслушать его волнующий, бесхитростный рассказ.

— Война застала меня на пенсии, на покое. Еще до войны перешел я на инвалидность. Я, пенсионер, никому в тягость не был, хотя возраст у меня солидный. Началась война. Пришел я в заводууправление и опять попросился на завод. Работу мне дали легкую, сочли, что пенсионера нельзя перегру-

жать. В тот самый день, когда пришла повестка о сыне, был в цехе. Подходит ко мне парторг цеха, обнял меня и говорит: «Прочти, Ершов, и, чем можешь, отплати гадинам...» Не стану вам говорить, какое для меня это было горе... Единственный сын был у меня... Пошел я в заводоуправление и сказал: «Я — кузнец, тридцать лет стоял у молота, теперь на пенсии. Не хочу больше работать на легкой работе. Буду опять кузнецом, как был тридцать лет». И просьбу мою уважили. Теперь работаю на Урале, как работал в родном Ленинграде.

И вот стоит старый кузнец у девяти-тонного молота. С огромной силой выбивая пламя, ударяет мощный молот, от его ударов сотрясается весь цех. Пламя освещает суровые, как бы отлитые из меди, черты лица старого кузнеца.

— Работаю неплохо. Заготовил себе хороший инструмент по деталям — например, клещи легкие, круглые я сам себе сделал. Раньше инструмент у меня был тяжелый. Потом печи у нас плохо грели, не было покрышек. Сделали мы покрышки, печи стали работать лучше.

Он вытирает пот со лба и, помолчав, говорит:

— В общем даю двести—двести пятьдесят процентов нормы. Работаю за себя и за сына моего, Валентина... Вот как будто и все.

Он возвращается к молоту. Мы видим, как легко, как молодо он подхватывает клещами огненный, раскаленный лепесток металла—поковку и бросает ее поверх груды остывающего металла.

После жара и сотрясающего стены грохота молота свист вьюги на заводском дворе кажется тихой мелодией. И вдруг мы остановились, оглушенные лязгом гусениц и громом мотора. По широкому проспекту между цехами мчался тяжелый танк. Снег крутящимися вихрями летел вслед за ним. В этом мощном сухопутном броненосце, в этом бронированном мстителе мы видели неукротимую душу, львиное сердце старого кузнеца Алексея Ершова.

III. ОБЫКНОВЕННЫЕ ДЕВУШКИ

Людей, впервые приехавших в этот край зимой, изумляет цвет неба. В редкие дни это небо покрывается тучами. Но зима здесь длительная, суровая зима. И часто на пороге мая она переходит в яростные контрасты, сковывая весенние ручьи. Так было и в эту позднюю весну.

Уральская весна — пора половодья, бурного разлива горных рек—была порой разлива соревнования в Танкограде. Ощущенье весеннего половодья ох-

ватывало нас, когда мы проходили по заводским цехам. Апрель был первым радостным месяцем для Танкограда: завод перевыполнил план по тяжелым танкам. Каждый день люди узнавали о новых трудовых подвигах. Было время, когда радовались успехам первых трехсотников, когда весь завод говорил о человеке, выполнившем три нормы.

26 апреля 1942 года появился первый тысячник завода — Ехлаков, и то, что казалось невозможным и невероятным, — тысяча процентов нормы, — было впервые осуществлено на танковом заводе.

На улицах, в трамваях, на грузориках, ныряющих в глубоких рывтинах, вырытых танками, всюду говорили о рекордах тысячников.

Слово «тысячник» звучало во всех цехах. Люди опыта, люди знания предупреждали: дело не в успехе одного дня, а в том, как покажет себя тысячник в длительный период работы, — скажем, каков будет итог его работы в течение месяца. Энтузиасты движения тысячников увлекались действительно поразительными успехами тысячника Дмитрия Панина. С восьми часов утра до трех часов дня Панин выполнил работу, требующую точности до одного миллиметра, и при этом дал норму на 2482 процента. Иначе говоря, он работал за 25 человек.

В одном сходились горячие спорщи-

ки: успех тысячника требует серьезной, иногда длительной подготовки; успех тысячника воодушевляет и окрыляет весь коллектив завода.

Это доказала замечательная работа двух уральских девушек, Клавы Рыбаловой и Зины Даниловой

Дочь электросварщика, девятнадцатилетняя Клава Рыбалова, и ее подруга, Зина Данилова, появились на заводе летом 1940 года. Они работали хорошо, добросовестно — так, как работали многие их товарищи по заводу. «Обыкновенные девушки», — говорил о них мастер их участка.

К тому времени, когда началась отечественная война, у девушек был очень скромный производственный стаж. Дни войны изменили лицо завода. Завод, выпускавший в мирное время тракторы, перестроил свое производство: теперь он стал выпускать тяжелые танки, мощные боевые машины. Они были особенно нужны фронту в летние месяцы.

Каждый честный работник завода понимал, что фронт требует от него высокой трудовой доблести, трудового подвига. Две уральские девушки, как и тысячи их подруг, понимали, что в эти дни нужно работать лучше, чем в дни мира, работать так, чтобы помогать своим товарищам и братьям на фронте.

Девушки жили и работали в мире

машин, среди непрерывного жужжания станков. Этот привычный, несколько монотонный шум заглушал грохот танков, лязг гусениц. Он напоминал о фронте, о боях за родину, о долге бойца трудового фронта.

Однажды мастер Раскин показал сверловщице Клаве Рыбаловой небольшой настольный сверлильный станок. Его ласково называли «малышом». «Малыш» порастил Клаву точностью работы, на нем можно было выработать мельчайшие детали.

Клава Рыбалова и Шура Данилова начали работать на этом превосходном, но капризном станке. Нелегко было совладеть с «малышом». Ломались сверла, их надо было менять; это приводило к потере времени. Однако почти в одно время подруги вдвое повысили норму выработки. Но выше двухсот процентов нормы они пока не шли. Это, казалось, было пределом их усилий.

Клаву Рыбалову особенно тревожила одна помеха: болты, которые выработывал станок, больно били ее по пальцам. Она решила вставить болты в стальные трубочки — и эта помеха исчезла. Так она облегчила себе процесс работы.

В день, когда Клаву Рыбалову приняли в комсомол, «малыш» дал триста процентов нормы. Она хорошо поработала. Ее охватило какое-то особое

волнение, — она радовалась тому, что ей удалось чем-то отметить этот знаменательный для нее день.

Начальник отделения Радкевич давно присматривался к работе подруг. Он угадывал в работе Клавы и Шуры то, что называлось «чувством нажима», «чувством сверла». Он понимал, что триста процентов не предел для Клавы: «Девушка обыкновенная, но руки золотые».

После 26 апреля, после победы Ехлакова, всюду на заводе говорили о тысячниках. Успех Ехлакова и других вызывал горячие споры, они были темой бесед в цехах и общежитиях.

— Для того чтобы дать тысячу процентов на этом станке, нужна подготовка и тренировка, — сказал Клаве Радкевич. — Нужен день отдыха и два-три дня подготовки.

Все эти дни Клава Рыбалова думала, как избежать малейшей потери времени в работе, как подготовить рабочее место, правильно расположить инструменты так, чтобы все нужное было под руками. Она понимала, что каждое лишнее движение рук имеет значение при такой точной и стремительной работе.

Она настороженно следила за нажимом сверла, старалась уловить характерный скрежет. Обычно вслед за этим скрежетом появляется железная стружка и затупляет сверло.

Надо правильно распределить нажим между правой и левой руками, тогда сверла не будут тупиться. Левая рука зажимает обрабатываемую деталь, правая нажимает на рукоятку. Это—работа на грани искусства, вернее — это уже искусство.

Так работала Клава в дни тренировки, предшествующие главному испытанию. Ничто не отвлекало ее внимания, горка деталей росла, новые и новые детали, звеня, падали на металлический щит. Она не замечала даже своего инструктора Радкевича. Он стоял рядом, не отрывая глаз от циферблата часов. В то же время он следил за необычайно легкими и точными движениями рук девушки.

Каждая минута давала шесть деталей вместо трех. В этот час работы Клава Рыбалова дала 230 деталей. Это было близко к дневной выработке, то есть к восьми часам работы.

Радкевич остановил Клаву. Только теперь она почувствовала усталость. Но это была приятная, радостная усталость.

Наступил день 29 апреля.

Как всегда, Клава сменила свою подругу Зину. «Малыш» работал, как хронометр.

Первый час работы дал 280 деталей, второй — 270, третий — 290 деталей.

Радкевич, комсорг Нина Зайцева, мастер Раскин с волнением следили за

легкими, почти неуловимыми для глаза движениями рук работницы.

Восьмой час работы дал 400 деталей. Итогом рабочего дня Клавы Рыбаловой были 2730 деталей, иначе говоря — 1116 процентов нормы. В этот день девушка работала за одиннадцать рабочих.

Так появилась первая тысячница цеха нормалей.

Теперь всех занимала мысль, как ответит на этот рекорд подруга Клавы, Зина Данилова.

«Поединок» начался не сразу. Но соревнование подруг кончилось тем, что Зина обогнала подругу: ее рекорд был 1340 процентов нормы.

Успех двух уральских девушек воодушевил и окрылил всех работников цеха. «Если обыкновенная девушка на сложном станке дала такую выработку, то почему же мне не работать лучше, чем я работаю?» — думала рядовая работница или рядовой рабочий.

Первого мая, в день праздника, Клава рассказывала на трибуне об опыте своей работы тысячам работников завода. Она закончила свою краткую речь очень простыми и теплыми словами: она сказала своим товарищам и подругам о том, что даже в малом, в работе над мельчайшей деталью, одной из нескольких тысяч деталей танка, можно послужить родине, по-

мечь своим братьям и отцам, сражающимся на фронте.

Эти слова слушали с глубоким вниманием, слушали потому, что Клава Рыбалова подтвердила слова делом, доблестным трудовым подвигом.

IV. МАСТЕР МАКАРОВ И ЕГО СЕМЬЯ

Знакомство с Петром Васильевичем Макаровым началось в живописном городе Приднепровья, в жаркий день, в парке культуры. Он был старожилом этого города и с удовольствием и гордостью проводил меня на набережную. Отсюда был виден необъятный степной пейзаж, панорама заводов, далекий бор на горизонте.

Потом мы пили чай в маленькой двухкомнатной квартирке Петра Васильевича. Квартирка помещалась в одном из однообразных домов, образующих целый квартал; но балкон квартиры Петра Васильевича можно было узнать издали: это был миниатюрный сад, цветник, повисший на высоте четвертого этажа. Только человек, очень любящий цветы, мог вырастить такой сад на балконе, где едва могло уместиться три человека. Я познакомился с дочерью Петра Васильевича, Мусей — студенткой индустриального института, с четырнадцатилетним его

сыном Васей. Старшего сына не было в городе, — он был на переподготовке в армии. И познакомился я с молодой и очень живой хозяйкой дома, Анной Ивановной.

Все это было в мирное время, — за две недели до того, как немцы напали на нашу страну. После этого мне не довелось видеть рабочего механического завода Петра Васильевича Макарова. Но мы свиделись за две тысячи километров от родного города Петра Васильевича, на далеком Урале.

В один вьюжный февральский день мороз доходил до тридцати пяти градусов, и от земли до облаков ветер гнал крутящиеся снежные спирали. В такую погоду мы приехали на эвакуированный с запада снарядный завод.

Завод начал работать два месяца назад. Мы увидели станки-автоматы, установленные в непригодном здании, в бывших складах элеватора. Здесь гуляли морозные ветра, и от холода замерзла эмульсия. Рабочие и работницы работали у станков в полушубках и ватниках, закутанные до бровей в платки и шарфы, дуют пальцы, подпрыгивая и ежась от холода. И все-таки завод давал продукцию, давал бронебойные снаряды для танковых пушек, и в будущем месяце директор обещал выполнить план.

(Кстати сказать, так оно и было:

начиная с марта и до сего дня завод выполняет план и считается одним из лучших заводов области.)

Светящимся пунктиром мерцали в ящиках наконечники снарядов, и тележки одна за другой увозили эти ящики из цеха.

Именно здесь я увидел плакат:

«Рабочий Миронов (бригада мастера П. В. Макарова) за 11 часов работы дал 15 200 снарядных колец».

Мы видели, как работал шестнадцатилетний паренек Гриша Миронов, видели стремительные движения его рук, металлический прут, по которому скользили и падали в ящик нарезанные медные кольца.

Прут казался золотым от непрерывного потока падающих колец, опоясывающих бронебойный снаряд. Здесь произошла моя вторая встреча с Петром Васильевичем. Он оказался тем самым мастером, который вырастил шестнадцатилетнего стахановца Гришу Миронова.

Петра Васильевича трудно было узнать, — он сгорбился, поседел, постарел, но походка его была попрежнему легкой, он был словоохотлив попрежнему и опять, как в родном городе, позвал меня, к себе.

Кончилась смена, мы вышли из цеха и остановились на пороге, едва не задохнувшись от сильного порыва ветра. Нам повезло: попутный грузовик

отправлялся в поселок, за шесть километров от завода. Землянку, где жил Петр Васильевич, замело снегом, только дымок, поднимавшийся из снежного бугра, напоминал о том, что здесь живут люди. На самодельной деревянной кровати спала дочь Петра Васильевича — Муся. Она работала в лаборатории завода, хотя еще не оправилась от воспаления легких; четыре дня назад она выписалась из больницы.

Петр Васильевич положил аккуратно завернутый в газету хлеб—паск дочери — на стол и сказал:

— Раздеваться не предлагаю. Не подходящая температура... — потом добавил, обводя взглядом свое жилье и чуть усмехаясь: — Вот так и живем.

Он потупился, и взгляд его стал суровым и грустным:

— Анну Ивановну мою схоронил в пути, на раз'езде, не доезжая Уфы. Ехала с эшелоном нашего завода, и вот — не доехала... Сердце больное, возраст — все, сказалось... Старший мой на фронте, хорошо воюет, про него даже писали...

Старик пошарил в сундучке и достал аккуратно сложенную газету. Я увидел портрет гвардии капитана Макарова, отличившегося в боях под Москвой.

— А Вася здесь, со мной. Работает на танковом, живет в общежитии. В выходной заходит, а так редко ви-

дямся... Вот так и живем, — повторил он. — Сейчас разожгу печурку, поставлю чайку... Только теперь без варенья малинового, как тогда, помните?

Он вынул из самодельного шкафчика начищенный, блестящий чайник, стаканы из бутылок. Все носило следы аккуратности, заботы о том, чтобы и здесь жить чисто и даже уютно.

Проснулась Муся. Она была еще слаба, но в блеске ее глаз, в голосе была радость — радость возвращения к жизни. Мы вспомнили родные края, парк отдыха, стадион, гонки лодок на реке.

Петр Васильевич вышел к соседям за водой, — оказалось, что вода в кадке замерзла.

Муся сказала:

— Могучий старик... Я уж не думала, что он переживет маму., Двадцать шесть лет вместе прожили, тяжело было видеть, как горевал.. Он здесь, на заводе, мастером стал. И каким мастером! Почти знаменитость. Молодежь учит, лучшие стахановцы у него...

Она помолчала, собираясь с силами.

— В сущности, он и меня выходил, когда я свалилась... Нам еще ничего, — здесь семьи с детьми устраивались прямо на голом месте, сами эти землянки рыли.. А помните — садочек на балконе, душистый горошек, гвоздника...

Ворвался холод, открылась дверь,

и в облаке пара появился Петр Васильевич.

— Кипятку достал, — весело сказал он.

Когда стемнело и Петр Васильевич зажег плавающий в плошке фитилек, я стал прощаться. Петр Васильевич вышел со мной. Ему нужно было на завод к полуночи, и он, так же как и я, решил воспользоваться полутным грузовиком. Мы ехали по обледеневшей дороге, прячась от ветра за кабинкой шофера. Я подумал о том, что каждый день, дважды, а то и четырежды в день, во всякую погоду, Петр Васильевич совершает пешком этот путь до завода. Должно быть, моя мысль передалась ему, и он вдруг сказал:

— Выдержим, все выдержим... Только бы изверга доконать, только бы под немцем не быть!

Осенью этого года, в обкоме партии, на большом совещании, мы слушали доклад директора снарядного завода о подготовке к второй уральской зиме. Молодой человек в форме майора технических войск рассказал о том, что заводу удалось переселить рабочих в новые, более сносные, как он выразился, бараки, построить большую столовую, отопить цехи. Он сказал, что подсобное хозяйство и огороды дадут возможность лучше кормить тысячи новых и старых рабочих. Затем коротко сообщил, что его заводу

вдвое увеличили программу и поручили выпускать новый тип очень эффективного снаряда. — Уверен, что мы справимся, — кончил свой доклад директор снарядного завода.

Я подумал о Петре Васильевиче Макарове и понял, что так и будет.

У. БРИГАДИР

Люди окружили огромный искалеченный корпус танка.

Закоптелый, с пробойной в башне и вмятинами от разрывов снарядов, танк все еще был грозен и страшен. Повернутое вбок дуло пушки нащупывало цель, как бы готовясь открыть огонь. Но внутри машины было пусто и темно. Снаряды ударили в танк с близкого расстояния, орудие било почти в упор — и только потому не выдержала добрая броневая сталь.

— Так... — тихо сказал бригадир Кудрявцев. — По всему видать — боевая была машина!.. И ребята, видать, тоже были боевые.

От этого слова «были» у людей, стоящих вокруг машины, защемило сердце.

— Ну что ж, давай лечить, — продолжал Кудрявцев. И, как многоопытный врач, обнадеживающий тяжело больного, погладил изуродованную броню танка.

Затем на закоптевшей стали написали большую цифру — порядковый номер. Многотонный кран пополз и выжидающе остановился над корпусом подбитого танка.

Прошла свирепая уральская зима, прошли зимние бураны, когда люди шли от цеха к цеху, держась за стены, за обледенелые доски заборов. Настала весна, звон горных ручейков наполнил улицы Танкограда. С крыши цеха, в прозрачном хрустальном воздухе, как огромное написанное художником полотно, разворачивалась величественная панорама заводов.

В наполненный лязгом и грохотом моторов цех вошел старший сержант в выдавшем виды расстегнутом ватнике, и в шлеме, присвоенном одним танкистам. Он шел по широкому проходу, между двух рядов мощных боевых машины, — по «проспекту», как в шутку называют здесь эту грозную аллею выстроившихся тапков.

И то, что видел танкист, радовало его. Он широко улыбался, как добрым старым знакомым, рабочим и бойцам-танкистам, которых было немало в этом цехе.

— Власов! — стараясь перекрыть грохот и лязг, крикнул ему широкоплечий темноволосый боец.

Еще мгновение, и они стояли рядом, крепко пожмая друг другу руки, смотря друг на друга смеющимися и

радостным взглядом. Так радостно могут повстречаться много видевшие боевые товарищи. Власов, и Ибрагимов были в одном танковом взводе, — в том самом, который решил судьбу боя за важный железнодорожный узел на Юго-западном фронте. Они отошли в сторону, вспоминали старых друзей — и тех, которых уже не было на свете, и тех, которые добыли в бою всснародную славу и честь.

— Ну, значит, Володя Приходько на месте, в части, а Коля Левченко?

Власов остановился и горестно покачал головой. Помолчав немного, он с прежним оживлением продолжал:

— А ты что же, на учебе? — и без тени зависти порадовался за Ибрагимова, когда разглядел орден Красной Звезды на его гимнастёрке. Ибрагимов был командиром экипажа в числе тех, кто с таким нетерпением ждал, пока их танк пройдет последние испытания на танкодроме.

Прищурив глаза, чтобы лучше видеть, Власов разглядывал едва заметные вмятины на броневой стали.

— А ну, товарищ, — сказал он бригадиру. — Позвольте взглянуть!

Получив разрешение, он поднялся по лесенке и заглянул в башню танка.

Люк был открыт. Власов стоял в раздумьи у башни, слегка сдвинув на затылок шлем и потирая лоб.

— Похоже, что наш, — наконец сказал он бригадиру.

— Почему похоже? — спросил бригадир.

— Есть одна отметина. Вижу, что машина из ремонта — боевая, бывалая машина... Как ваша фамилия, товарищ?

— Кудрявцев.

— Возможно, что моя машина, товарищ Кудрявцев.

Ибрагимов тоже поднялся на танк и молча следил за тем, как Власов спустился через люк в башню, сел на место башенного стрелка, осмотрел приготовленные для снаряда гнезда, осмотрел арматуру, словом, повел себя так, как ведет хозяин давно ему знакомой машины.

— Нет, наверное, не моя, — наконец решил Власов. — От моей одна коробка осталась.

— Да и от этой одна коробка оставалась, — возразил бригадир. — Ты бы, товарищ сержант, поглядел на нее, когда мы ее лечить стали...

— Подбили нашу машину аккуратно второго февраля, — припоминал Власов. — Наделали мы, конечно, фрицам хлопот — четыре орудия в кашу смяли, три танка разбили, не менее чем один батальон сукиных сынов, эсэсов, передавили — и повернули к своим. А тут он термитным снарядом с близкой дистанции как даст! Угодил прямо

в мотор. Левченко — водитель — на месте и остался. А что за танкист был — золото! А вторым снарядом — командира Федорова. И стала наша машина. Вышли мы из танка. Фашисты нас из автоматов поливают. Но уж дело под вечер было.. Как стемнело — пришла подмога, вытащили машину, отвели в тыл. А на завтра взяли станцию, схоронили Федорова и товарища Левченко в станционном садике, под тополем...

Они спустились вниз, уступая место экипажу танка, и, отойдя в сторонку, смотрели, как, лязгая, пришли в движение гусеницы, как боевой, бывалый танк легко сдвинулся с места, вышел из строя и, сделав искусный поворот, двинулся к широко раскрытым воротам цеха, слегка вздрагивая, звеня гусеницами. От мощного его дыхания становилось жарко в прохладном, промерзшем за зиму здании.

— А может быть, и мой, — решил вдруг Власов.

— Возможно, твой, — подтвердил Ибрагимов.

— Когда так — так покажи им! Дай за Левченко, за товарища Федорова! Дай им жару! Дай, милый! — сквозь зубы проговорил Власов.

Танк исчезал с глаз. У открытого башенного люка стоял во весь рост, крепко упираясь ногами в сталь, бри-

гадир Кудрявцев. Он чувствовал, как дрожит под его ногами нетерпеливо рвущаяся вперед боевая машина, которую он и его товарищи возродили к жизни.

Он вспомнил день, когда перед ним стоял искалеченный остов этой самой машины, и сердце его наполнилось радостью.

VI. СТАРЫЙ МАШИНИСТ

«Внимание, внимание! Говорит Москва!» Где бы ни двигался эшелон,— в горных ущельях, в просторах уральских степей, сквозь вой ветра и весеннюю капель,— эти слова заставляли насторожиться всех.

Досадно было только то, что эшелон недолго стоял на железнодорожных станциях и полустанках, иногда даже не удавалось до конца дослушать сообщение «В последний час». Это был особенный железнодорожный состав, не было человека в пути, который не проводил бы его взглядом. Очертания тяжелых танков угадывались под брезентом: от тяжести стальных громад как бы оседали платформы.

Позади, за платформами, шли теплушки и зеленые вагоны; там были командиры, бойцы в шлемах танкистов, в синих комбинезонах, с ножами-

кинжалами у пояса — подарок города Златоуста.

«Внимание, говорит Москва!..» Люди бежали через пути, пролезали под вагонами, бежали к рупору радио, на голос далекой столицы.

Москва говорила о том, что на фронте идут победоносные бои. Танкисты слушали, шопотом повторяя названия городов и количество трофеев, устремив неподвижный, сосредоточенный взгляд на запад — туда, где фронт.

Потом они возвращались к своему составу и говорили о том, что едут слишком медленно, и это обидно в такое время, когда тяжелые танки ждет хорошая работа на фронте. Обижались бойцы напрасно. Мощные паровозы везли их на запад со скоростью курьерского поезда. Но слишком далек был путь по необъятной земле, путь от Урала до фронта, и потому им казалось, что они едут медленно и проехали совсем немного от того города, который имеет второе имя — Танкоград.

Особенно досадовал старший сержант Николай Родионов, водитель танка, бывалый фронтовик, несмотря на свои двадцать три года. Была ночь и он высчитывал, сколько им придется ехать до места назначения, когда его вдруг окликнул голос:

— Браток, слышишь, браток!..

Родионов поднял голову и в ответе

фонаря, в паровозном окошке, увидел голову машиниста. Трудно было рассмотреть, был он молод или стар, — кофоть покрывала его лицо, — но голос был молодой, и глаза светились по-молодому.

— Ну, что там слышать, на фронте?

— Бои... Наступаем, особенно на юге... — коротко ответил Родионов.

Но машинист просил рассказать подробнее и, выслушав Родионова, усмехался:

— В самый раз едете. Ваше время..

Машинист говорил о том, о чем думали и говорили все в эшелоне.

— Ну, и вези по-нашему, по танкистски, чтобы с ветерком!.. — сказал Родионов.

Но грех было жаловаться на машиниста. Он действительно вез «с ветерком». Состав пролетал по мостам, мимо переездов, и путевые сторожа, поднимая козырьком руку, едва успевали разглядеть исчезающие в пространстве силуэты тяжелых танков. И думали о том, о чем думали все в эшелоне и все по пути следования поезда.

Так стремительно летели танки, что, казалось, прямо с хода, еще на платформах, они вступят в бой и откроют огонь по врагу.

Старший сержант Родионов дежурил по эшелону как раз в часы, которые зовут «собачьей вахтой», и был даже

рад этому. Он любил помечтать в одиночестве, подумать о жизни. Громыхали платформы, свистел рассекаемый поездом воздух, и летели мысли, сменяя одна другую.

Родионов возвращался на фронт после двух месяцев жизни в большом уральском городе. Здесь формировалась часть, здесь танкисты получили новые машины, пришли новые люди. В экипаже Родионова были коренные уральцы, один Родионов был ленинградец, словоохотливый веселый горожанин, бывший шофер большого металлургического завода. Родионова немного удивляли не слишком разговорчивые, сумрачные на вид уральцы — сталевар из Златоуста, шахтер из Копейска. Он привык к легким в работе, подвижным и веселым парням, а это была какая-то особенная молодежь — основательная в своих суждениях, немного медлительная. Но жаловаться на своих товарищей он не мог: каждый хорошо делал свое дело на занятиях — стрелок, заряжающий, радист. Ему спокойно с ними идти в бой. Они слушали бывалого танкиста с уважением: от товарищей они знали, что Родионов едва не сторел в танке, а в другой раз восемь суток отсиживался со стрелком в подбитой машине на «ничьей земле», между нашими и немецкими линиями. И, стоя на площадке, на сыром, пронизывающем ветру, сле-

дя за отдаленными, мелькающими в степи огоньками, Родионов сказал сам себе:

— Нет, хороший народ. Грех жаловаться.

Потом стал думать о том, что еще завтра и послезавтра будут мелькать эти же огоньки раз'ездов, ярко освещенные фасады станционных зданий, а дальше пойдет полоса затемнения, черная ночь, непроглядный мрак. И все чаще люди будут глядеть в небо, в воздух...

«Воздух!» — совсем иначе звучит это слово на фронте.

С такими мыслями Родионов ехал на запад, на фронт, когда вдруг загудели тормоза, состав стал замедлять ход в степи, хотя нигде не было видно ни одного огня и ничто не указывало на близость раз'езда или станции.

Однако поезд остановился. Родионов тут же спрыгнул с площадки и побежал к паровозу. Он бежал во всю мочь мимо платформ с танками, не слыша позади топота догоняющих его людей, первым добежал до паровоза и поднялся по лесенке в будку машиниста. В багряном свете топки он увидел машиниста и помощника и по лицам их понял: что-то случилось.

— Что у вас тут? — задыхаясь, спросил Родионов.

— Пробка, — коротко сказал машинист и потом, как бы досадуя на то,

что приходится долго раз'яснять, добавил: — Задняя контрольная пробка протекает в резьбе. Понятно?

Машинист почти не сомневался в том, что танкист ничего не понял. Однако Родионов понял. У него был друг-приятель — машинист на паровозе внутризаводского транспорта; кроме того, он сам интересовался всем, что касается техники. Он знал, что контрольные пробки находятся в потолке паровозной топки. Обычно высокая температура не действует на легкоплавкий металл пробки, пока в котле достаточно воды. Но плох тот машинист, который, как говорится, «упустит воду» — не заметит, что в котле нехватает воды. Металл пробки начинает плавиться, образуется отверстие, в него протекают пар и вода, и вло-вещий шум предупреждает о том, что котел может взорваться.

Именно такая беда произошла с паровозом того состава, который вез танки и экипажи на фронт. И Радионов это понял.

— А вы куда же глядели? — строго спросил он. — Эх вы!. А видать, старый машинист.

— Василий Петрович ни при чем, — вмешался помощник. — Пробка не подплавлена. Слесаря виноваты — не досмотрели, когда ремонтировали паровоз...

— Кто виноват—это другой вопрос,— с горечью сказал машинист, — пока что получилось нехорошее дело. В депо как-нибудь доползем. Придется тушить топку, получится простой паровоза чуть не на сутки... В такое-то горячее время!

И, поглядев на Родионова, с досадой добавил:

— Придется менять паровоз. Вы время потеряете... А состав такой, что каждый час имеет значение... и ведь пустое дело — подвернуть пробку, а паровоз тушить надо. Вот и получается — выходит паровоз из строя на сутки.

Родионов думал о том же: тысячи тонн груза — танки, снаряды, орудия — идут на запад, на фронт... Сложное дело — транспорт. Неужели нет выхода?

Машинист шагнул к топке и открыл дверцы. Пламя яростно билось в топку, и слышно было, как кипел сжатый в котле пар.

И вдруг, как-то странно взглянув на помощника, машинист приказал:

— Открывай все! Давай воздуха, сквозняку давай!

Родионов с недоумением смотрел, как открывали клапаны зомьников и бункеров, как открывали окна и двери. Резкий ветер прохватил его до дрожи, — возможно, это была дрожь охватившего его волнения.

—Теперь, давай уголь! Забрасывай!—
командовал машинист.

В топку полетел уголь, багряное пламя постепенно меркло под пластом черного угля. Стало почти темно, но жар от открытого под угольным пластом огня не остывал. Едкий угар, ядовитые газы выбивались из-под пласта, покрывавшего пламя, но их прибавал сыпавшийся в топку уголь. А наверху был котел и в нем пар, сжатый до десяти атмосфер.

—Гляди, не зевай, — глухо сказал машинист. — Выдержу — хорошо, а не выдержу — тащи меня назад.

И он полез в топку и исчез в ее черном, дышащем жаром зеве.

Потекли мучительно долгие, бесконечные мгновения. В эти мгновения Родионов думал о том, что будет, если человек не выдержит адского жара и потеряет сознание в топке?

Человек делал свое дело. Кочегар, согнувшись, глядел в дышащую жаром бездну.

«А вдруг пар вырвет пробку? Что же будет?..» — мелькнула ужаснувшая Родионова мысль. И танкист, десятки раз видевший перед глазами смерть, сам едва не сторевший в танке, почувствовал блажные капли пота на спине, между лопатками.

— Хватит!.. — прошептал он, точно его могли услышать там, в топке.

Наконец черный согнутый силуэт показался в зеве топки. Машинист почти упал на руки Родионову. Лицо у него заострилось и стало совсем черным от копоти. Он потянулся к открытой двери и глубоко, жадно вдохнул сырой воздух. Потом, отдышавшись, сказал:

— Готово. Можно ехать. Подвернул пробку.

— Машинист! — прерывающимся от радостного возбуждения голосом заговорил Родионов. — Слушай, машинист...

Машинист молча глядел на Родионова.

— Как твоя фамилия, товарищ машинист?..

— Черников.

— Какого ты депо?

— Троицкого. А что?

— Да ничего. Будем знакомы. Хороший вы народ — уральцы!.. — и Родионов прыгнул с лесенки паровоза.

От паровоза к хвосту состава прокатился гром буферов. Состав медленно двинулся с места. Родионов примерился и вскочил на площадку поравнявшегося с ним вагона. Потом он взглянул на часы: остановка длилась всего десять минут. Набирая ход, огромный тяжелогрузный состав летел на запад, на фронт.

VII. ДИРЕКТОР ТАНКОВОГО ЗАВОДА

Позади большого официального кабинета директора находится квадратная комнатка с большим, во всю стену, окном, с круглым столом, диваном и небольшим рабочим столом. Здесь нет батареи телефонов, чертежей, схем и длинного стола для совещаний. На уголке рабочего стола стоит как украшение модель мощного танка. Точно такие же танки, сотрясая землю, движутся по широкому проспекту между цехами огромного танкового завода. На них глядит в окно человек лет сорока, с резкими энергичными чертами лица, с несколько суровым, сосредоточенным и пытливым взглядом. Положив руку на подоконник, он глядит на заводской двор.

Беседа протекает несколько медленно. Директор танкового завода не сразу отвечает на вопросы. Он глядит на собеседника пристальным, суровым взглядом. Потом отвечает очень коротко, очень точно, и тогда становится понятным то, что иногда недоступно человеку с весьма скромными техническими познаниями. Он обладает способностью говорить о самых сложных технических проблемах живым, образным, понятным языком. У него есть чувство юмора, присущее русскому человеку, и неожиданная теплая, веселая

усмешка, совершенно меняющая его несколько суровый, сосредоточенный взгляд.

Для того чтобы руководить самым большим танковым заводом в дни отечественной войны, нужно обладать редкими организационными способностями, широкими техническими познаниями, быть политически мыслящим человеком-большевиком, способным увлекать, поднимать массы. Этими особенностями обладает русский человек, самородок С. Н. Махонин, директор известного в истории русского революционного движения Кировского завода.

Лет тридцать назад в большом украинском городе, на главной улице, можно было видеть бойкого, голосистого мальчишку-газетчика. Это был веселый, настойчивый малец. Никто не мог быстрее него распродать вечернюю газету. К нему привыкли, и посетители кафе были удивлены, когда в один прекрасный день мальчик-газетчик исчез и больше не появлялся в центре города. Завсегдатаи кафе решили, что бесприютный мальчик кончил плохо, как это бывало не раз с его сверстниками.

Но этого не случилось. Мальчик просто потерял вкус к профессии газетчика. Он нашел работу на большом механическом и там был мальчиком на побегушках. Он прошел суровую шко-

лу жизни — был чернорабочим, подмастерьем, мастером — и потому знает профессию каждого рабочего в каждом из цехов его завода.

Он может дать совет, указать на ошибку и даже заменить любого у станка. Он знает все тонкости каждого ремесла, его не обойдешь, при нем не слукавишь. Народ таких любит и одобрительно говорит: «С этим держи ухо востро».

Иногда, проходя по цехам, директор встречает старых знакомых, из тех, кто знал его в молодые годы.

— Здравствуйтесь, Иван Васильевич, — говорит директор старому соратнику. — Что-то вы больно сесть стали?

— Да и вы не молодсете, Сергей Нестерович. Правда, работа другая... Аховая работа!

Работа действительно «аховая». Нужно быть главой предприятия, вести завод с десятками тысяч рабочих, заботиться о них, вести завод строго по графику, все время увеличивая программу, сообразуясь с растущими требованиями фронта. Нужно координировать работу своего завода с заводами-смежниками.

Сейчас, когда с виду так спокойно течет наша беседа, на заводе идет к концу невиданная, казалось, технически невыполнимая перестройка процесса производства.

Больше тысячи станков переменили

свое место, по-новому стали работать тысячи людей,—началось производство новых для этого завода боевых машин. И все это сделано в полтора месяца, в условиях невиданной в истории человечества войны.

Не только грандиозные, а казалось бы, технически невыполнимые проблемы должен разрешать директор танкового завода. Он должен думать и о деталях — иногда о деталях в полном смысле этого слова. Он обратил внимание на одну из нескольких тысяч деталей танка, которая, скажем, называется «опорное кольцо пластинчатого радиатора». Эта упрощенная, по мысли инженера-рационализатора, деталь дает значительную экономию в металле, в рабочем времени, в электроэнергии, и директор завода заботится о том, чтобы мысль рационализатора получила свое завершение.

Странно, что от него, от директора танкового завода, не услышишь ни слова о первом периоде работы завода. Здесь, в Танкограде, все любят рассказывать о великом переселении людей и механизмов с запада на восток, о путешествии сначала под бомбами вражеских самолетов, потом, в стужу, в метель, через всю нашу необъятную страну — на Урал. Все это только прошлое для директора танкового завода. Он не любит говорить о прошлом. Сейчас для него существует только

настоящее — сегодняшней день его завода, и день завтрашний — задачи будущего, которые придется решать стремительно, точно так, как этого требует военное время.

Он встает, неторопливыми движениями закуривает папиросу, подходит к карте и долго глядит туда, где проходит линия фронта, где на пространстве тысяч километров сражаются тысячи боевых машин, которые вышли из цехов известного всей стране танкового завода.

Таков Сергей Нестерович Махонин — директор трижды орденоносного Кировского завода.

VIII. «ЗАПОВИТЬ»

Забить это невозможно.

В то время на железнодорожных раз'ездах, на полустанках, в снежных просторах нашей страны двигались и долго стояли на путях невиданные железнодорожные составы. Каких только вагонов не было в этих составах: вагоны московского метро, двухместные вагончики дачных поездов, всякого рода теплушки и платформы, на которых возвышались заметенные снегом станки, части машин, механизмы и моторы.

Два поезда стояли уже несколько дней на раз'езде вблизи большого про-

мышленного уральского города. Люди, ехавшие уже много дней в этих поездах, успели познакомиться и подружиться. Один поезд обгонял другой в этом длинном пути, но теперь и тот и другой прибыли, наконец, к месту назначения и ждали разгрузки.

На вагонах одного поезда можно было прочесть написанную мелом повторяющуюся надпись: «Медицинский институт». В этих вагонах ехали с запада на восток профессора и студенты старейшего высшего учебного заведения Украины. В багажных вагонах везли оборудование лабораторий института. Так стоял этот вуз на колесах, пока в городе освобождали здания, чтобы разместить институт. Рядом, в тупике, стоял другой железнодорожный состав. Это был последний эшелон большого украинского металлургического завода. Инженеры, рабочие, сотрудники управления завода сгружали с платформы станки и механизмы. Студенты медицинского института помогали им в этом со свойственным молодости пылом.

Голубоглазая, круглолицая украинская девушка глядела на беспредельную снежную равнину.

— Боже ж мий! — наконец сказала она. — Як же мы будемо жити тут?

Даже сильные духом, много испытывавшие на своем веку люди грустили,

оставив свою родину — милую Украину с веселыми шумящими лесами, с тихими, протекающими в камышах речками, с вишневыми садами и пирамидальными тополями на дорогах, — и сумрачно глядели в эту безрадостную снежную даль.

— Не журись, Галя! ← прозвучал звонкий юношеский голос.

Голос был такой бодрый, такой радостный, что девушка невольно улыбнулась. Черноглазый юноша-студент, странствовавший вместе со своим институтом, случайный попутчик Гали Кравченко, работницы металлургического завода, улыбаясь, глядел ей в глаза.

И девушке стало легче на душе от этого ласкового взгляда и звонкого молодого голоса.

Было это в ноябре памятного 1941 года.

Уральская весна не спешила, зима переходила в яростные контратаки, сковывая горные ручьи... Но все-таки в воздухе была весна.

* * *

В один холодный, морозный мартовский день мы ехали на стройку. Шоссе и мост, повисший над железнодорожными путями, напомнили нам знакомые места. Здесь четыре месяца назад стояли заметенные снегом два

состава. Ровно в километре отсюда, там, где был снежный пустырь, вырос странный городок: это были прямые, уходящие в даль улицы из вросших в землю барачков, землянок, палаток. Этот город окутывали облака дыма временных печей. Вокруг посвистывали паровозы рабочих поездов, гудели грузовики, визжали механические пилы. Новый высокий деревянный дом был центром этого городка. Над крыльцом дома была вывеска: «Школа».

Город внезапно обрывался у полотна железной дороги, а по другую сторону полотна высоко над землей поднимались железные конструкции недостроенных цехов. Одна половина самого большого цеха была еще в лесах. Там вспыхивали зарницы электросварки, далеко разносился оглушительный лязг железа. Другая половина цеха была почти достроена. Удивительно было то, что цех уже жил.

Старичок из охраны завода проверил наши пропуска и открыл фанерную дверь. Всюду, куда попадал глаз, вращались сверла, ровно гудели станки-автоматы. У станков стояли мужчины и женщины в полушубках и валенках, закутанные до глаз в шарфы и платки. Пар от дыхания сотен людей, испарения промерзшего здания, наполняли цех. Было холодно и сыро, но люди работали у станков, и девушки-приемщицы сидели за столами.

внимательно проверяя корпуса и детали снарядов.

Мы дошли до конца цеха и уперлись в дощатую, наскоро сколоченную стену. Здесь кончалась жилая половина цеха, за стеной строительные рабочие достраивали здание.

И тут мы остановились у стола, где приемщицы проверяли прочность «сердечника» — детали снаряда, которая должна пробить броню танка, прошить сталь, как игла прошивает ткань.

Круглолицая, румяная девушка упрямо сердечник в железный лист, с силой ударяла молотком по тыльной части снаряда, затем глядела, не остался ли след на сердечнике. Она делала это необычайно быстро, легко, уверенно. Вокруг стоял грохот десятков молотков, ударяющих по металлу. Девушка работала великоленно. Это была Галя Кравченко — девушка с Украины, девушка, которая четыре месяца назад со слезами глядела в суровую уральскую степь. А позади стоял завод на колесах, ее родной завод.

Верный спутник завода, старейший медицинский институт, странствовавший на колесах по стране, тоже получил оседлость. Слава его гремела по всей области, он стал достопримечательностью уральского города, и осенний праздник института был праздником города, который дал ему приют.

Этой осенью пятьсот молодых вра-

чей-выпускников получали дипломы и отправлялись на фронт. Самые уважаемые люди города пришли на торжественный выпускной вечер в актовЫй зал института.

Во всю ширину эстрады выстроился хор, — хор того самого завода, который в своих странствиях сдружился с медицинским институтом. Хор этот успел прославиться в уральском городе и выступал на торжественном вечере института с украинскими песнями.

В национальном костюме, в монистах и бусах, с пестрыми лентами в русых волосах, стояла в первом ряду хора работница снарядного завода Галля Кравченко. Голос ее звенел серебряным колокольчиком. Хор пел «Заповит» — великую песню-завет Тараса Шевченко.

За две тысячи километров от фронта, от родной Украины, эта песня звучала как страстный боевой гимн, как огненный призыв к борьбе и победе:

...вставайте,
Кайданы порвите
И вражою, злою кровью
Волю окроните...

Украина была в сердцах тех, кто делал снаряды, тех, кто лечил раны, возвращал силы раненым бойцам, — их труд приближал день освобождения Украины.

Еще раз прозвучал «Заповит», затем все стихло. Хор спустился с эстрады

Черповолосый молодой человек, врач-выпускник, стоял у стены, и его задумчивый, затуманенный взгляд блуждал в пространстве. Завтра он оставляет этот город. Вдруг он услышал звонкий девичий голос:

— Не журись, Сашко!

И руку его обхватила загорелая, сильная девичья рука Гали Кравченко.

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

Мы стояли на пригорке. Далеко впереди лежало изрытое рытвинами поле. Оттуда слышался глухой рокот взрывов. Позади была молодая березовая роща. Из-за деревьев со злобным рычанием вылетела тройка самолетов, затем голубое весеннее небо прочертила ракета. И тотчас ринулись в поле приземистые широкие тела тяжелых танков. Они прошли, поднимая пласты земли на разворотах, сотрясая землю. Скоро мы их увидели на горизонте.

Выплывали розовые облачка разрывов. То приближаясь, то удаляясь, ревели моторы самолетов. «Нева! Нева!» — настойчиво повторял телефонист. Тяжелые танки уже давно прошли над окопами, взломав оборону врага. Взлетела еще ракета, и с непостижимой резвостью промчались поддерживающие пехоту легкие танки. В стереотрубу

было хорошо видно, как из кирпичных сараев поднималась и пошла пехота. Началась атака.

Это очень волновало, хотя белые повязки посредников, удобная наблюдательная вышка, мирно расположившиеся в тени легковые машины — все это говорило о том, что перед нами только маневры, что мы более чем в двух тысячах километров от фронта отечественной войны. И все же современный бой развертывался перед нами, воспроизводя с абсолютной точностью взлом вражеской обороны, взаимодействие танков, пехоты и авиации.

Все было настолько убедительно, что временами очень трудно было спокойно наблюдать развертывающееся перед глазами генеральное учение.

Трудно было оставаться спокойным и потому, что танкисты, и летчики, и многие бойцы пехоты, участвовавшие в этих маневрах, уже не раз побывали на фронте и теперь принимали участие в маневрах, относясь к ним со всей серьезностью. Они понимали, насколько важно молодому, необстрелянному бойцу знать, что происходит в настоящем сражении, на поле современного боя.

Труба горниста сыграла «отбой». Маневры кончились. На поле воздвигали большой щит со схемами и картами, — командиры готовились к разбору военных операций.

Под брезентом грузовика стучали пишущие машинки, слышались громкие голоса посредников. Поле недавнего «боя» готовилось к параду. Тяжелые танки построились в два ряда; танкисты делали им туалет, счищали налипшие на гусеницы пласты земли.

Сейчас, после маневров, запыленные машины имели подлинно боевой вид. Приближался торжественный финал маневров — традиционный парад.

Но до разбора маневров, до торжественного марша людей и машин здесь, в окрестностях Танкограда, должно было произойти важное, полное глубокого смысла и значения торжество.

Торжеством этим было вручение боевого знамени танкистам вновь созданной танковой части.

В Танкограде, на заводе, где строят тяжелые танки КВ, работая сверх установленных часов, комсомольцы выпустили десятки грозных боевых машин для танковой колонны имени комсомола. Все население области жертвовало трудовые деньги на постройку колонны. На эти средства были построены сверх плана превосходные тяжелые танки.

Чудесный, ясный день. На горизонте только одно лилово-розовое облако, оно заволочло край неба. Это дымят трубы Танкограда. Здесь, вблизи города, в поле, произошло вручение

знамени имени комсомола новой воинской танковой части.

Выстроенные прямоугольником танкисты, артиллеристы, бойцы пехоты слушали краткую благодарность принимающего парад генерала танковых войск. Генерал благодарил бойцов и командиров за находчивость, знание военного дела и выучку, которую они показали на маневрах. Затем раздалась команда «вольпо», и на командирский танк, временно превращенный в трибуну, поднялся человек со знаменем.

Немногословны и задушевные были речи, произнесенные на этом митинге. Всем была ясна суть дела, всем было ясно, какое славное дело сделали комсомольцы-танкостроители и все честные люди, жертвовавшие свои деньги на постройку колонны тяжелых танков. Новая боевая часть родилась во-время, накануне лета, в страдную пору танкистов и танков. Это наполняло сердца людей гордостью и радостью. Командир части принял знамя из рук секретаря областного комитета комсомола. Он передал его знаменосцу, рослому молодому сержанту. Раздалась команда «под знамя», боевой стяг пронесли по фронту.

Бойцы стояли «смирно», провожая глазами знамя молодости, знамя верности и любви к родине, врученное им по праву комсомолом. И еще была

мысль у каждого истинного танкиста: будет день, и новая танковая часть примет гвардейское знамя — заветную мечту каждой доблестной боевой части.

* * *

Секретарь комитета комсомола танкового завода и две девушки ехали в госпиталь. Госпиталь находился на окраине, в пятиэтажном здании школы. Впрочем, теперь это была уже не окраина.

Еще зимой прошлого года здесь был пустырь. Среди снежных полей одиноко возвышалось здание школы. С первыми талыми водами здесь начали стройку, одну из сказочно растущихстроек, совершенно меняющих привычный глазу пейзаж.

Почти до горизонта легла паутина под'ездных путей. Огромными, просвечивающими сквозь кружево лесов, прямоугольниками намечались корпуса будущих цехов. Подымая тучи пыли, проносились грузовики. Непрерывно грохотала канонада взрывов, — шли подрывные работы. Но девушки и секретарь почти не говорили об этой обычной для уральских городов картине.

Они ехали в госпиталь, чтобы навестить раненого земляка, старшего лейтенанта танковых войск Сергея Петрова. И, естественно, они говорили о нем. Секретарь комитета вспомнил,

как на разборке тактических занятий танковой бригады Петрову сильно попало от командира за то, что он не во-время открыл люк и вылез из танка.

«Будь это в настоящем бою, мне бы не пришлось с вами об этом разговаривать», — сказал полковник Лебедев.

Девушка, по имени Клава, вспомнила, как она танцевала с Петровым на проводах бригады. Она взяла Петрову букет полевых цветов. В общем все говорили о Петрове как о веселом парне, о широкой натуре, не очень задумывающемся о будущем; и каждому он представлялся таким, каким его видели в последний раз, накануне отправления бригады на фронт.

Петров сидел в голубой командирской палате на подоконнике, и девушки с трудом узнали его. Земляки осторожно обнимали его, здоровались, стараясь не причинить боли дружескими объятиями и рукопожатиями. Он сильно изменился за четыре месяца фронтовой жизни. Это произошло не от раны и контузии, а от каких-то новых, глубоких впечатлений и потрясений, которые пережил этот двадцатипятилетний человек.

Пока еще трудно было понять, в чем была перемена.

Секретарю комсомола предстояло тяжелое и грустное поручение.

Дело в том, что Петрова нельзя было считать в полном смысле слова уральцем. Он родился и прожил двадцать лет в Ленинграде и только пять лет — в этом уральском городе. Родители Петрова остались в Ленинграде и погибли в осажденном городе в тяжкие месяцы ленинградской зимы. И об этом должен был сказать Петрову секретарь комитета комсомола.

Но ему не пришлось выполнить это грустное поручение. Первое, о чем говорил Петров, была весть о смерти его близких. Он узнал об этом еще на фронте.

— Вот, Миша, — сказал он, — один я теперь. Один, не считая всех вас... Спасибо вам за книжки для чтения и тебе, Клава, за цветы особое спасибо.

И вдруг прежний задорный огонек блеснул в его взгляде.

— Чувствую себя прямо именинником — цветы, шоколад... Ну, вам интересно все узнать о нашей бригаде? Но прежде всего — у меня большая радость: приняли меня на фронте в партию. Теперь я не переросток. Конечно.

Танковая бригада, с которой ушел на фронт старший лейтенант Петров, была особенная бригада. Ее боевые машины строили комсомольцы танкового завода сверх программы, отработав положенные часы. Средства для постройки танков собирала вся область,

командиры и бойцы бригады были в большинстве своем уральцы, уроженцы этой доблестно работающей для фронта области. И связь бригады с родным городом была кровной, нерушимой связью.

На энском участке фронта, в дождливый летний день, мне рассказали о той самой танковой бригаде, где ротой танков командовал Сергей Петров. Бригада еще не была в деле, она стояла в обороне в лесу, в нескольких километрах от переднего края.

Лил дождь. Головокружительно пахли липы. Немец упорно бомбил лес, где стояли танки. Огромные боевые машины от осколков снарядов наполовину были зарыты в землю.

Днем на фронте было безмолвие, загадочная тишина. Только в облаках, в небе происходили схватки истребителей и глухо потрескивали пулеметные очереди. Ночью фронт оживал, начиналась обычная ночная феерия огней, молочным, мертвенным светом светили ракеты, чертили по небу трассирующие снаряды и пули.

Молодежь томила и ждала первого боя. Командир бригады полковник Лебедев и комиссар бригады Захаренко внимательно поглядывали на молодежь: Как себя покажут в бою эти парни, с которыми командир и комиссар жили за месяцы, пока формировалась и обучалась бригада? Война испытывает

людей. Какие только неожиданности не случались с молодым человеком в ту минуту, когда рядом с ним падал сраженный вражеской пулей или миной товарищ. «Счастлирое поколение,— думал комиссар.— До этой войны они жили, не зная суровых испытаний, в стране, которую создали в сраженьях и муках их отцы—поколение Октября. Теперь эти молодые люди— ровесники Октября— защищают от врага то, что было добыто для них кровью и потом отцов...»

Первой жертвой, первой утратой бригады был Миша Родин. Он упал у своей машины; сраженный осколком авиабомбы. Сергей Петров наклонился над ним и, разрезав ножом рубашку, впервые в жизни увидел смертельную рану, увидел истекающего кровью товарища.

Вражеские бомбардировщики продолжали сбрасывать бомбы, но Мишу Родину все-таки вынесли из-под огня. Медицинская сестра Шуховцева, уральская девушка, тоже впервые увидела смертельно раненного товарища. Она заплакала.

— У них что-то вроде любви началось,— тихо заметил Петров.

Через семь часов Миша умер.

Не спеша, вглядываясь в пространство, точно вновь охватывая взглядом все, что видел, Петров рассказывает товарищам:

— Пошли мы в первый наш бой в шестнадцать тридцать. Задание было — взять высоту двести четырнадцать, дать продвинуться правому и левому флангам. В моем экипаже были Русецкий — сержант, и Гагарин — старший сержант, из Златоуста. Вы его знаете. Вместе мы жили, вместе обучались и вместе пошли в бой. Понятно, волновались. А тут еще перед самым боем произошел такой случай. Ранили одного стрелка из охранения. Потерял, бедняга, сознание; его в кустах и не заметили, не подобрали. Очнулся он только ночью и пополз к своим. В темноте заблудился, угодил на «ничью землю» и напоролся на немецкий дозор. Немцы добились раненого стрелка и — в чем подлость — повесили труп высоко на дереве, чтобы наши увидели...

Он помолчал немного и продолжал, попрежнему глядя в пространство:

— Трудно вам рассказать, что чувствуешь, сидя за стальной стенкой танка. Думать о постороннем — трудно. Только и слушаешь голос наблюдателя: «Пушка справа!», «Прямо миномет!» Успевай поворачиваться! Первые попадания в танк; — от стенки до стенки прошли красные искры. Но броня — надежная, настоящая уральская броня — она выдержала. Поломали нам радиоантенну, один обломок остался. Но все-таки слушаем командный

пункт. Оттуда слышу голос полковника: «Вы нас слышите?» Отвечаю: «Слышу. Но разговаривать некогда!» А мы как раз удачно влезли на немецкий 'блиндаж, сделали полный поворот в триста шестьдесят градусов, он и треснул, как орех. Можете себе представить, что там внутри получилось. Яичница с ветчиной! Надо вам сказать, что к этому времени нам поломали маску пушки, и работали мы больше гусеницами. В общем ходили в атаку пять раз и дрались до темноты. Перед вечером я выбыл из строя. Сам уже не мог выбраться из танка. Пробую стать на ноги — шатаюсь, как пьяный, черные кольца перед глазами, правой стороны тела не чувствую. Сначала решил, что угорел. Бывает после тридцати — сорока выстрелов из пушки получается в машине что-то вроде угара. Но нет, оказалась рана, и к тому же контузия... Кончился бой. Как говорится, «считать мы стали раны, товарищей считать...» Убили моего дружка Колю. Открыл он люк, стал вылезать — в него пять пуль всадили. Лежит он на танке, лицо спокойное, строгое... Хочу подойти, проститься, поцеловать на прощанье... Валиюсь с ног. Слышу голос Гагарина: «Командира ранило». Осипова вы знаете?

— Ну, конечно.

— Молодец, влетел на машине в се-

ло, занятое немцами, вылез из машины с пистолетом в руке и прямо утащил в плен офицера-немца, сдал нашим автоматчикам. Но самое-то главное — высоту двести четырнадцать мы взяли. Бригада получила очень хорошую оценку командования фронтом. Из этого вы можете заключить, что ваши танки попали в хорошие руки.

— Покажи, что про тебя написано.

Это сказала девушка, которая привезла раненому полевые цветы.

И тогда появилась четвертушка бумаги, на которой химическим карандашом, видимо, наспех, на полевой сумке, была написана боевая характеристика, выданная старшему лейтенанту Сергею Тимофеевичу Петрову, рождения 1917 года. В ней было сказано, что Петров, командир роты танков, проявил «бесстрашие, героизм и презрение к смерти, пять раз ходил в атаку со своим танком. Экипаж танка под командованием Петрова раздавил четыре дзота, уничтожил четыре пушки, взорвал склад со снарядами, которые рвались два часа, и раздавил гусеницами танка три взвода гитлеровцев».

— Представили семнадцать человек из моей роты к боевым наградам.

— И тебя? — спросила девушка.

— И меня, — сказал Петров. — Ну, вот, собственно, наш первый бой. Одна беда — в первом же бою ранили.

Он с сокрушением повернулся к окну и вдруг оживился:

— Все-таки удивительно. Я эти места знаю. Тут, справа, дорога идет на танкодром. Четыре месяца назад здесь ничего не было, пустырь. Дом этот стоял, как небоскреб. А теперь среди этих-то коробок его и не видать. Это я понимаю — работа! Прямо фронт!

За окном попрежнему, как на фронте, грохотали взрывы. Посвистывали рабочие поезда, со скрежетом грызли грунт экскаваторы.

Четверть часа спустя заводской пикап увозил земляков Сергея Петрова в город. Они с гордостью говорили о том, что их танки попали в хорошие руки.

В Т О Р А Я Ж И З Н Ь

Отпуск Родионова подходил к концу. Две недели пролетели незаметно, и только в последние дни капитан-лейтенант Родионов все чаще поглядывал на календарь и обижал этим домашних.

— Алеша, — сказала ему с горечью жена, — отвык ты от дому, Алеша.

— Что ты, ничуть не отвык, — с удивлением ответил Родионов и, подумав немного, сказал: — Видишь ли, Оля...

Не очень связно он рассказал ей, что всегда думает о тех, кто остался в болотистых лесах под Ленинградом, о боевых друзьях, о великом городе — герое и страдальце. Вот прошло две недели, — как там, что там нового, кто жив, кто ранен, кого больше нет на свете? Вот уже вечер, и здесь, в этом большом уральском городе, зажигаются огни на улицах, люди спешат в театры и кино, а там — черная ночь, и вспышки далеких разрывов, и мертвенно-белый мигающий свет вражеских ракет...

Наконец Родионов думал о брате — танкисте, о том, удалась ли трудная операция, которую давно готовили танкисты и морские пехотинцы.

Накануне отъезда, дня за три, Родионов с женой и тестем, старым охотником и неистовым патриотом своего края, затеяли поездку с ночевкой в один из чудесных уголков Урала — герное озеро в заповедных лесах. Впервые в жизни Родионов увидел столетние ели, спускающиеся к сияющим, цвета горного хрусталя, водам, лесную дремучую глушь, следы пятнистого оленя на росистой траве. И он, потомственный ленинградец, моряк до глубины души, был взволнован этой сказочной красой нетронутой русской природы.

Вернувшись домой, Родионов был огорчен одним неожиданным обстоя-

тельством. Оказалось, что, пока он ездил за город, к нему на квартиру приходил его товарищ по кораблю, краснофлотец Шатилин, тот самый старшина Шатилин, который прошлой осенью, в день, когда солдаты фон Лееба штурмовали Ленинград, вынес тяжело раненого Родионова из-под вражеского огня.

Больше всего горевала о том, что не видела Шатилина, Ольга Петровна — жена Родионова.

— Как же можно, — говорила она, — ведь он спас тебя, не будь его, никогда бы я не увидела тебя... Хоть поглядеть на него, обнять от души... Нет, никогда не прощу себе этой поездки! Тем более тебе через три дня уезжать.

Разыскать Шатилина оказалось нелегко. В справочном столе не числилось такой фамилии, в госпиталях не было раненого краснофлотца Шатилина. Должно быть, он жил в одном из рабочих поселков.

— И как же так, не оставить адреса! Расскажи мне по крайней мере, Алеша, какой он, что он за человек?

Родионов мог только сказать, что Шатилин служил четыре года во флоте, пристрастился к морю, решил до конца дней остаться моряком и не расстаться с кораблем, который стал ему домом. С кораблем Шатилин расстался в тот день, когда моряки с оружием в руках сошли на берег и защитили в самые трудные минуты Ленинград.

— Где он теперь, как очутился в этих краях, ей-богу, не знаю.

На следующий день после этого разговора пришла открытка, в которой рукой Шатилина было написано:

«Здравствуйте, товарищ капитан-лейтенант, здравствуйте, Сергей Николаевич! Заходил к вам в воскресенье — не застал. Соседи ваши сказали, что вы скоро отъезжаете. Выходной день у меня — понедельник, боюсь, не смогу вас повидать. И ходить далеко трудновато. Найти меня можно так: справьтесь в нашем заводууправлении, и вас прямым рейсом доставят ко мне. Хочется повидать вас и лично поздравить с высокой наградой».

Далее следовал подробный адрес.

Нужно ли говорить, с какой радостью Родионов отправился разыскивать завод. Ни дождь, ни степной колючий ветер, ни далекая прогулка не утомили его. Он довольно долго шел вдоль полотна дороги и, наконец, среди высоких сосен увидел ограду завода и двухэтажный деревянный дом заводууправления.

Как только он переступил порог светлой большой комнаты — приемной, — навстречу ему поднялась суровая на вид, лет девятнадцати, девица.

— Шатилин? Как же, есть такой, — сказала девица. — Вы — товарищ Родионов, Сергей Николаевич? Сейчас выпишут вам пропуск в третий цех.

Действительно, пять минут спустя пропуск был в руках у Родионова. Суровая девушка сама вызвалась проводить капитан-лейтенанта.

— У нас еще стройка, вы тут запутаетесь, — строго сказала она и пошла впереди, легко перепрыгивая через ямы, рельсы, мотки с проволокой.

Вскоре они очутились перед фанерной дверью цеха. Наклонив голову, Родионов прошел в дверь и остановился на мгновение, оглушенный пронзительным жужжанием множества станков. Станков было много, больше, чем людей. Это был цех станков-автоматов.

— Павел Трофимович! — позвала девушка, и Родионов увидел Шатилина.

И тут же острая боль резнула сердце Родионова.

Шатилин стоял у окна, освещенный лучом полуденного, пробившегося сквозь облака солнца, и Родионов ясно увидел, что вместо правой ноги у Шатилина протез.

Несколько мгновений он стоял молча, потом шагнул к Шатилину и обнял его. Родионов не сразу нашел слова, точно судорогой перехватило горло, настолько взволновало его то, что он увидел. Никак не укладывалось в сознании — Шатилин, краснофлотец Шатилин, ловкий, быстрый в движениях, смелый в бою, лихой и неудержимый в русской пляске... инвалид.

— Пришел, Сергей Николаевич... А я

думал — уехал. Думал, уж не увидимся... Ну, как там наши? Ох, и горевал же я, когда меня в марте месяце как артиллериста взяли от вас...

— Постой, постой... — наконец сказал Родионов, — как же так получилось?

И он посмотрел на протез.

Вдруг запел заводской гудок. Начался обеденный перерыв, постепенно умолкло согласное жужжание станков.

Родионов и Шатилин прошли в фанерную комнатку начальника цеха и сели друг против друга. Только теперь Родионов разглядел три нашивки — знаки ранения на рукаве у Шатилина.

— Где же тебя так? — спросил Родионов. — И когда?

Он был так взволнован, что даже не заметил, как погасла его трубка; Шатилин достал спички и помог ее раскурить.

— Да все там же, под Ленинградом, — не торопись, сказал Шатилин, — в апреле месяце. В какой день — точно сказать не могу. Везли меня на самолете, этого тоже не помню — должно быть, много крови потерял. Пришел в сознание только в поезде, увидел, что везут меня через всю Русь. Привезли в этот городок и положили в госпиталь. Ногу пришлось отнять там... в полевом госпитале. Еще две раны были — в грудь и правое плечо... Тут меня поправили. И вот что

получилось... У вас опять трубка погасла, Сергей Николаевич.

— Ничего. Все равно. Рассказывай.

— Приходит ко мне письмо из Архангельска (родом я из тех мест). Пишет мне старший брат, Федор: «Приехал к нам один наш земляк, что лежал с тобой в одном госпитале, в Рыбинске, рассказал, что ты, Паша, — калека... Поплакали мы все, особенно бабы и девки...» Дальше пишет в таком роде: приезжай, мол, к нам, мы не нехристи какие-нибудь, прокормим, сыт будешь... Ты за Россию пострадал, и мы тебя не оставим. Расстроило меня это письмо.

Шатилин помолчал и вдруг улыбнулся.

— Ходили к нам в госпиталь местные ребята, славные пареньки и девушки, навещали знакомых и к нам заходили. И одна такая сердитая и зубастая девица мне говорит: «Вы что думаете делать, товарищ Шатилин, что думаете делать, когда выпишетесь из госпиталя?» Я ей отвечаю: «Думать думаю, а ничего не придумаю». Она и говорит: «Вы — человек грамотный, можете работать в учреждении». Тут я сказал, что к канцелярской работе неспособен. Это меня-то, Пашу Шатилина, посадить за стол, представляете себе?

— Представляю, — сказал Родионов. И вдруг ему представился залив, све-

жая погода, корабль под креном — и Шатилин, с ловкостью циркового артиста пробегаящий по наклонной палубе.

— «Зайдите, — говорит знакомая девушка, — к директору нашего завода, товарищу Зимину. Очень прошу вас, непременно зайдите». Послушался я ее совета. Как раз накануне выписки отпустили меня в город. На костылях я ловко научился ходить, протеза тогда у меня еще не было. Добрался до завода, пришел в заводууправление, привели меня к Зимину. Серьезный начальник, хотя и молодой, моложе нас с вами. Он говорит: «Раз вы по письменной части не хотите работать, я вам дам пропуск в цехи. Посмотрите, как люди работают, и сообразите, что вам подойдет. За стол сесть окончательно не хотите? В завкоме или в клубе?» — «Что-то не хочется». — «Ну, хорошо». И пошел я ходить по цехам. Понравилась мне станки-автоматы — новенькие американские станочки. И продукция понравилась — подарочки для немецких танков, бронебойно-зажигательные гостинцы. Вот я и говорю товарищу Зимину: «А что, если я возьмусь за эту работу? Здесь внимательность нужна, глаз, двигаться особо не надо». — «Попробуй», — говорит. Я попробовал. На первый раз запорол пару деталей, а потом вышло. Приемщицы не ругаются. И вот стою я у станков и думаю: одна жизнь кончилась, надо

начинать другую. Хотел жить и умереть моряком. Теперь буду жить на суше.

— Трудно было свыкнуться с этой мыслью?

— Понятно, трудно. С моим-то характером. Однако на второй месяц работы давал почти двести процентов нормы, на третий — двести пятьдесят пять процентов. Вот стою меж тремя станками и вижу себя как бы при моей пушке. И будто опять веду огонь. Приемщицы — это вроде орудийного расчета. Ну, не сам я стреляю, конечно, стреляют другие, но вроде я сам подаю снаряды. А рвутся они там, на фронте, за две тысячи километров поднимают в небо фрицев... Как подумаю об этом, так и развеселюсь. Нет, не удалось им угробить Пашу Шатилина, не удалось поганым фрицам! Ведь правда?

— Правда. Рад я тебя видеть, Павел!

— И я рад! Ну, как там наши, как братишечки?

— Слушай, Павел Трофимович, — возбужденно заговорил Родионов, — я окончательно еду во вторник, в понедельник будешь у нас обедать. Жена хочет обнять тебя и расцеловать за все, за то, что ты меня не бросил тогда под Лиговым. Там, за обедом, все тебе будет доложено, и, кроме того, за чарочкой морякам как-то ловчей толковать. Добро, Павел Трофимыч?

— Добро, — ответил Шатилин.

Родионова провожали во вторник. На вокзале была Ольга Петровна, тесть Родионова, Шатилин. С Шатилиным пришла суровая девушка из заводоуправления. Но суровости в ней не было никакой. Наоборот, в голубых ее глазах были теплота и нежность, особенно в те мгновения, когда она глядела на Шатилина.

БОГАТЫРСКИЙ КРАС

За большим металлургическим заводом и поселком, в котором живут шестьдесят тысяч человек, начинаются дремучие леса с глубокими, поросшими высокими елями оврагами, буреломом, тихими полянами и синими глубокими озерами в заповедных лесах.

Столбовая дорога, единственное шоссе, соединяет заводской поселок с районным центром; она лежит среди лесов и всюду, куда ни бросишь взгляд, синее дремучий бор, изредка прорезанный ржаным полем или «сечей» — недавно вырубленным лесным участком.

Избы в этом краю сложены из могучих, нетесаных бревен, окошки прорублены высоко над землей, чтобы снежные сугробы не закрывали свет в

короткие зимние дни. Деревни немногочисленны в дни войны — старики и пожилые женщины, подростки и дети — степенный, неразговорчивый, трудолюбивый народ. Земля здесь трудная, хлеб насущный дается нелегко, даже яблони не прижились в этом краю.

Все это рассказывал мне мой спутник, здешний старожил, врач районной больницы.

Мы сидели на шоссе и терпеливо ждали попутную машину. Однако дорога была пустынна, день был воскресный и долго не было попутных машин. Только одинокие пешеходы изредка показывались из-за поворота дороги, неторопливо и чинно здоровались с нами и исчезали за пригорком. Проехал всадник — словоохотливый рыболов, остановился и рассказал свое горе — форель сломала последний рыболовный крючок и надо ехать в поселок раздобывать другой. Спросил, какая нынче была сводка, — он выехал засветло и так и не слышал утреннего радио — попрощался и уехал, подгоняя лохматую, маленькую лошадку.

Мы сидели уже добрый час и, признаться, соскучились. Вокруг была тишина, пронзительно кричал круживший в небе ястреб, торжественно шумели сосны, трудно было поверить, что за две с половиной тысячи километров к западу была война. Только внезапно мелькнувший в облаках, боль-

шой темнозеленый транспортный самолет напоминал о войне и великих битвах на западе.

Было около шести часов пополудни, когда на лесной дороге показался высокий человек. Он шел легко и быстро, поравнявшись с нами, поздоровался и присел у сосны. Смуглое, как бы пергаментное лицо его повернулось к нам и привлекло нас строгим и важным своим выражением, полным достоинства взглядом из-под нахмуренных старческих бровей. Прохожий был очень стар. Легкая его походка и статность издали обманули нас. Пергаментный, прорезанный глубокими морщинами лоб, широкая кость высохших, когда-то сильных рук пояснили нам, что перед нами глубокий старик. Не торопясь, он достал из узелка яйцо, щепотку соли в чистой тряпочке и ломоть хлеба. Покатав яйцо по земле, он очистил его, не торопясь съел и, отряхнув с колен скорлупу, спросил:

— В район?

— В район...

— И я в район.

— Откуда идешь, дед?

— Отсюда не видать... — с усмешкой ответил старик и после назвал деревню.

От этой деревни до района, по самому скромному счету, было двадцать семь километров.

И опять чуть усмехаясь, не глядя на нас, старик сказал:

— Имею от роду девяносто четыре года. Рождение мое 1847 год. Через шесть годов будет мне ровно сто лет.

— Вот это так...—сказал мой спутник и продолжал, размышляя вслух, — двадцать семь километров пешим ходом и обратно двадцать семь километров... Богатырь вы, дед, вот что я вам скажу...

Непостижимым казалось и то, что не видно было седины в густой бороде старика и его нависших бровях.

— Сыну моему шестьдесят шесть, — степенно продолжал старик, — на лесопилке работал, теперь перевели на легкую работу. А мы испокон веку крестьянствуем...

— Фамилия ваша не Веселов? — спросил мой спутник.

— Веселов Василий Иванович.

— Я про вас слыхал. Будем знакомы. Что же вам в районе понадобилось, Василий Иванович?

Старик ответил не сразу. Он поглядел в небо. По прозрачным облакам прошла снова тень большого самолета. Проводив ее взглядом, дед негромко сказал:

— Ходил в район за газетой.

— Что ж другого не нашли? Двадцать семь километров — не шутка. Неужели кроме вас некому было итти?

— Некому. Сын, Петр Васильевич, на сев выехал, четверо внуков в армии, ребятки с невестками на севе... А что двадцать семь километров?.. Мы и дальше ходили. И газета, видишь, оособенная.

Он снял ветхий картуз и вынул из-за подкладки оложенную вчетверо газету. Это была местная районная газета, надо думать, она побывала у многих в руках. И старик бережно подал ее нам.

— «Наш земляк», — прочитал вслух мой спутник, и мы оба поглядели на портрет широкоплечего улыбающегося сержанта.

Я прочел написанную скупыми словами заметку о подвиге сержанта Александра Веселова. Это было описание дерзкой и опасной разведки в глубь расположения противника. За эту разведку Александра Веселова наградили вторым боевым орденом.

Читал я вслух, чтобы доставить удовольствие прадеду Александра Веселова.

— «Физкультурники нашего района, — читал я, — хорошо знают своего земляка Сашу Веселова, показавшего свою редкую физическую силу и ловкость в мирной обстановке и дважды отличившегося в боях с подлым врагом...»

Старик слушал, слегка кивая головой, и лицо его выражало гордое спокойствие.

— А ведь верно богатырь! — воскликнул мой спутник. — Да, и вы сами, Василий Иванович, в девяносто четыре года тоже богатырь...

— Не жалуясь, — сказал, поднимаясь с земли, дед, — правнуками и внуками доволен, а вот сын мой, Петр Васильевич, сплеховал... Где же это в нашей семье видано, — в шестьдесят шесть лет проситься на легкую работу. Не по-нашему это, не по-веселовски.

Он встал и простился. Мы проводили глазами высокий, прямой силуэт, исчезающий в предвечернем сумраке. Легкой и бодрой походкой он шел по дороге. Среди высоких, вековых сосен, среди мачтового леса шел одноленок этих могучих деревьев, русский сказочный богатырь, вырастивший богатырей внуков и правнуков, по-богатырски защищающих родную, любимую землю.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вступление	3
Люди Южного Урала	24
I. «Ремесленники»	24
II. Кузнецы	28
III. Обыкновенные девушки	32
IV. Мастер Макаров и его семья	39
V. Бригадир	45
VI. Старый машинист	50
VII. Директор танкового завода	59
VIII. «Заповит»	63
Испытание огнем	69
Вторая жизнь	81
Богатырский край	90

Редактор А. Кононов

Подписано к печати 2 сентября 1943 г.
А2630. 1½ п. л. 2,9 уч.-а. л. Заказ № 101.
Цена 2 руб. Тираж - 25 000 экз.

2-я типография издательства «Московский
большевик». Москва, Петровка № 17.